

МАРК ЛЕВИ

Первый день

День и ночь

Марк Леви
Первый день

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

Леви М.

Первый день / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2009 — (День и ночь)

ISBN 978-5-389-03821-9

Эдриен – астрофизик, Кейра – археолог. Он наблюдает за звездами, она копается в земле, но цель у них одна: оба они мечтают узнать об истоках жизни на Земле и во Вселенной. Таинственный амулет, найденный в кратере потухшего вулкана, станет для них началом долгого путешествия и удивительных приключений...

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-03821-9

© Леви М., 2009
© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Пролог	7
Тетрадь первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Марк Леви

Первый день

Marc Levy

Le premier jour

www.marcl Levy.info

© 2009 Éditions Robert Laffont/Susanna Lea Associates

© Тарусина Е., перевод на русский язык, 2010

© Дизайн обложки, Richard Hallman, Joy Tessman, Marc C. Ross / Getty Images

© Фото на обложке, Denis Lécuyer & Marc Hansel

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство Иностранка®

Книги одного из самых популярных французских писателей Марка Леви переведены на сорок один язык и расходятся многомиллионными тиражами.

Полине и Луи

Все мы – звездная пыль.
Андре Браик

Пролог

– Где начинается рассвет?

Мне было десять лет, когда я, поборов свою болезненную застенчивость, решился задать этот вопрос. Учитель природоведения обернулся, растерянно пожал плечами и стал невозмутимо дописывать на доске задание на завтра – так, словно я для него не существовал. Опустив голову и уставившись в парту, я сделал вид, будто не замечаю злых и издевательских взглядов моих одноклассников, образованных ничуть не лучше меня. Где начинается рассвет? И где заканчивается день? Почему миллионы звезд светятся на небосводе, а мы даже не знаем, что за миры вращаются вокруг них? И с чего все началось?

Каждую ночь, когда родители засыпали, я тихонько, по-кошачьи крался к окну и, прижавшись носом к решетчатым ставням, рассматривал небо.

Мне дали имя Адрианос, однако уже много лет все зовут меня Эдриеном, точнее, все, кроме жителей деревни, где родилась моя мать. Я астрофизик, моя специальность – небесные тела, расположенные за пределами Солнечной системы. Я живу в Лондоне и работаю на Гауэр-Корт, в университете, на кафедре астрономии. Впрочем, меня редко можно там застать. Земля круглая, пространство имеет свойство искривляться, и, чтобы найти самый удобный наблюдательный пункт – вдали от больших городов, там, где царит полная темнота, – нужно быть заядлым путешественником, легким на подъем, готовым исколесить всю планету в поисках укромного уголка. Похоже, я выбрал эту странную жизнь, в которой нет ни дома, ни семьи, только потому, что по-прежнему надеюсь найти ответ на все тот же давно преследующий меня вопрос: где начинается рассвет?

Я взялся перечитывать и выправлять текст этого дневника в надежде на то, что однажды кто-нибудь найдет его и, набравшись храбрости, расскажет эту историю другим.

Истинное смирение ученого заключается в том, чтобы признать: в мире нет ничего невозможного. Теперь я понимаю, как не хватало мне этого смирения, пока я не встретил Кейру.

То, что произошло со мной за последние несколько месяцев, отбросило куда-то в бесконечность все накопленные знания и перевернуло мои представления о происхождении Вселенной.

Тетрадь первая

На восточной оконечности Африки занималась заря. Обычно в этот час ее оранжевые отблески уже освещали лагерь археологов в долине Омо, но то утро выдалось каким-то особенным, не похожим на другие. Сидя на низенькой глинобитной оgrade с кружкой кофе в руках, Кейра внимательно вглядывалась в сумрачный горизонт. Несколько капель дождя упали на пересохшую землю и, отскочив от нее, подняли крохотные облачка пыли. Мальчик, бегавший неподалеку, заметил Кейру и со всех ног помчался к ней.

– Уже проснулся? – спросила она, потрепав его по густым волосам.

Мальчик радостно кивнул.

– Гарри, сколько раз тебе повторять: не бегай в зоне раскопок. Вдруг ты оступишься, и тогда многие недели наших трудов пойдут прахом. Вот разобьешь ты какой-нибудь предмет, а он такой один на белом свете. Посмотри, мы ведь не просто так натянули веревки, огородив проходы. Давай представим, что перед тобой – магазин тонкого фарфора под открытым небом. Понимаю, это не лучшая игровая площадка для мальчика твоего возраста, но ничего более подходящего я тебе предложить не могу.

– Это не моя игровая площадка, а твоя. И она вовсе не похожа на магазин, скорее на старое кладбище.

Гарри показал на небо: к ним приближался грозовой фронт.

– А это что такое? – спросил мальчик.

– Я такого неба никогда не видела, эти тучи, похоже, не предвещают ничего хорошего.

– Вот будет здорово, если дождь пойдет!

– Ты, наверное, хотел сказать, что, если пойдет дождь, это будет катастрофа. Беги, разыщи начальника экспедиции, хорошо бы укрыть раскоп.

Мальчик пустился бежать, но вдруг замер в нескольких шагах от Кейры.

– Давай-давай! Теперь у тебя есть причина побегать! – махнув рукой, прикрикнула на него Кейра.

Небо вдалеке темнело все больше, мощный порыв ветра сорвал навес над горкой камней, извлеченных из раскопа.

– Этого только не хватало, – проворчала Кейра, спрыгивая с низенькой оgrade.

Она пошла по тропинке, ведущей к лагерю, и на полдороге встретила начальника экспедиции, который шагал ей навстречу.

– Похоже, скоро начнется дождь, – сказала Кейра. – Надо укрыть все, что возможно, и укрепить колышки разметки. Давайте соберем всех наших, а если потребуется, позовем на помощь жителей деревни.

– Это вовсе не дождь, – ответил ей начальник тихо, видимо смирившись с неизбежным. – Тут ничего не сделаешь. А из деревни все уже разбегаются кто куда.

Северо-западный ветер принес сильнейшую пыльную бурю, и теперь она неслась прямо на них. Обычно этот ветер, именуемый шамалем, пересекая Аравийскую пустыню, летит на восток, в сторону Оманского залива, но мы, как известно, живем в необычные времена, а потому и этот разрушительный ветер, изменив своим привычкам, развернулся и помчался обратно на запад. Тревожный взгляд Кейры заставил наконец ее шефа заговорить:

– Я только что слышал по радио штормовое предупреждение. Буря уже смела часть Эритреи, пересекла границу и теперь движется прямо на нас. Перед ней не устоять. Единственное, что мы можем сделать, – это подняться в горы и найти убежище в пещерах.

Кейра возразила, что нельзя же вот так все бросить и покинуть лагерь.

– Мадемуазель Кейра, эти старые кости, столь дорогие вашему сердцу, пролежали в земле не одну тысячу лет. Мы их снова раскопаем, даю вам слово, но для этого мы должны по меньшей мере остаться в живых. Не будем терять время, у нас его совсем мало.

– А где Гарри?

– Понятия не имею, – ответил начальник экспедиции, растерянно оглядевшись, – сегодня утром я его не видел.

– Я его просила предупредить вас о грозном фронте. Он не приходил?

– Нет. Говорю вам, я услышал о буре по радио, отдал приказ об эвакуации и сразу же отправился за вами.

Небо почернело. В нескольких километрах от лагеря туча песка, клубясь между небом и землей, неслась вперед с ужасающей скоростью, словно гигантская волна.

Кейра швырнула в сторону кружку с остатками кофе и бросилась бежать. Взлетела на гребень холма и спустилась по склону вниз, к берегу реки. Она мучительно пыталась не закрывать глаза под порывами ветра. Пыль, поднимавшаяся в воздух, больно хлестала по лицу. Кейра звала Гарри, и песок, набиваясь в рот, мешал ей дышать. Однако она и не думала отступить. Сквозь плотную серую пелену она с трудом разглядела свою палатку, куда Гарри приходил каждое утро, чтобы разбудить ее и вместе полюбоваться рассветом с вершины холма.

Она откинула брезент. В палатке никого не было. Лагерь опустел, превратившись в город-призрак, – ни единой живой души. Только виднелись вдалеке фигурки жителей деревни, торопливо карабкавшихся по склонам горы, чтобы укрыться в пещерах. Кейра осмотрела все соседние палатки, не переставая звать мальчика, но никто ей не ответил, лишь грозный рык бури откликался на ее крики. Примчавшийся на подмогу начальник экспедиции цепко ухватил ее за руку и силой поволок прочь. Кейра смотрела в небо.

– Поздно, слишком поздно! – глухо прокричал он из-под повязки, закрывавшей лицо.

Он обхватил Кейру за плечи и потащил к берегу реки.

– Скорее, скорее, черт вас возьми!

– А как же Гарри?

– Он уже наверняка спрятался где-нибудь. Молчите и прижмитесь ко мне крепче!

Волна пыли, огромная как цунами, неслась за ними следом, словно стараясь их догнать. Ниже по течению река пробила себе дорогу между двумя крутыми скалистыми берегами, в одном из них начальник экспедиции заметил глубокую расселину и быстро втащил туда Кейру.

– Туда! – воскликнул он, подталкивая девушку вглубь, в темноту.

Промедли они еще несколько секунд, и было бы уже поздно. Таща за собой комья земли, камни, вырванные с корнем растения, колышущаяся стена песка прошла у самого входа в их случайное убежище. Кейра и ее спутник еще некоторое время сидели, сжавшись в комок и не шевелясь.

Пещера утопала во мраке. Снаружи стоял оглушительный грохот. Скалистые берега реки дрожали под натиском бури, и два маленьких человечка, спрятавшиеся в расселине, гадали, не случится ли обвал и не окажутся ли они погребенными здесь навеки.

– Возможно, через десять миллионов лет здесь найдут наши останки; твоя плечевая кость будет лежать рядом с моей большой берцовой, а твоя ключица – рядом с моей лопаткой. Палеонтологи решат, что здесь погребена супружеская пара земледельцев или рыболов и его жена. В захоронении нет никаких даров, значит, на нашу могилу не обратят особого внимания. Нас причислят к разряду неудачников, и наши скелеты провалятся целую вечность в картонной коробке на полке какого-нибудь музея.

– Ты выбрала не лучшее время для шуток, ничего смешного я тут не вижу, – проворчал шеф. – И кого ты называешь неудачниками?

– Таких, как я, кто работает, не считаясь со временем, а на их старания всем наплевать. Однажды они видят, как результаты их труда обращаются в прах, но ничего не могут поделать.

– Знаешь, лучше быть живыми неудачниками, чем мертвыми.

– Это ты так думаешь!

Неистовый рев бури все не смолкал, тянулись бесконечные минуты ожидания. Пленники могли бы считать свое убежище безопасным, если бы со стен на них время от времени не падали комья земли.

Внезапно в пещеру проникли слабые отсветы дня: буря умчалась прочь. Мужчина поднялся на ноги и протянул руку Кейре, помогая ей встать, но она только отмахнулась.

– Послушай, когда выйдешь, закрой за собой дверь, а я останусь здесь. Я не уверена, что хочу видеть то, что нас ждет снаружи.

Начальник экспедиции с досадой взглянул на нее.

– Гарри! – вдруг воскликнула Кейра и ринулась вон из пещеры.

Они увидели безрадостную картину. Деревья, росшие у реки, лишились крон, а на охристо-рыжий берег сползли жирные пласты земли. Речной поток уносил прочь кучи грязи, оставляя ее в дельте, вдалеке отсюда. В лагере не уцелело ни одной палатки. Хижины в деревне тоже не устояли под напором ветра. Ветхие жилища, сметенные бурей и разбросанные на десятки метров, прибило к стволам деревьев или к скалам. Местные жители, покидая свои убежища, спешили вниз, чтобы поскорее увидеть, что осталось от их скота и посевов. Какая-то женщина из долины Омо горько плакала, крепко обнимая двух ребятишек. Чуть поодаль собрались люди из другого племени. Гарри нигде не было видно. Кейра огляделась: на берегу лежали три мертвых тела. К горлу Кейры подкатила тошнота.

– Он, наверное, спрятался в одной из пещер, не волнуйтесь, мы его отыщем, – громко произнес начальник экспедиции, отвлекая ее внимание от трупов.

Кейра вцепилась в его руку, и они вместе поднялись по склону. На плато, где шли раскопки, не осталось даже следа разметки, земля вокруг была усыпана какими-то обломками и обрывками. Буря уничтожила все. Кейра нагнулась и подняла валявшийся в раскопе нивелир. Машинально стерла с него пыль, но линзы оказались разбиты вдребезги. Чуть поодаль валялся теодолит, беспомощно задрав ножки к небу. И тут среди пустоты и разгрома она заметила едва живого от страха Гарри.

Кейра побежала навстречу мальчику и обняла его. Это было ей несвойственно; если она испытывала к кому-то привязанность, то выражала ее словами, а не бросалась на шею с изъяслениями нежности. Однако сейчас она крепко сжала Гарри в объятиях, так что он даже сделал слабую попытку освободиться.

– Ты меня ужасно напугал, – сказала она, стирая налипшую грязь с лица мальчугана.

– Я тебя напугал? Тут такое стряслось, а это, оказывается, я тебя напугал! – растерянно твердил он.

Кейра молчала. Она подняла голову и огляделась: от ее работы ничего не осталось, ровным счетом ничего. Шамаль не пощадил даже низенькую глинобитную ограду, на которой она сидела еще утром. В одно мгновение Кейра потеряла все.

– Слушай, твой магазин здорово пострадал, – пробормотал Гарри.

– Мой фарфоровый магазин, – печально уточнила она.

Гарри сунул ладошку в руку Кейры. Он боялся, что она сейчас опять убежит; она всегда так делала: шагнет вперед, заявив, что заметила нечто важное, такое важное, что надо прямо сейчас все как следует разглядеть, и удерет; а потом, попозже, подойдет к нему и погладит по голове, словно извиняясь за то, что обращалась с ним слишком холодно. Но на сей раз девушка удержала детскую ручку, доверчиво лънувшую к ее ладони, и крепко стиснула ее.

– Все пропало, – произнесла она почти неслышно.

– А может, опять раскопаешь?

– Теперь уже не получится.

– Нужно только постараться и прорыть яму поглубже, – сердито возразил малыш.

- Даже если поглубже, все равно ничего не выйдет.
- И что же теперь будет?

Кейра уселась по-турецки прямо на развороченную землю; Гарри последовал ее примеру и затих, не смея прервать молчание. Потом не выдержал и спросил:

- Значит, ты уедешь и бросишь меня?
- У меня ведь нет работы.

– Ты поможешь нам снова построить деревню. Дома-то все развалились. Между прочим, те, кто тут живет, вам много помогали.

– Ты прав, только мы управимся за несколько дней, ну, может, за пару недель, а потом все равно придется уезжать.

- Но почему? Ведь ты здесь счастлива, разве нет?
- Да, счастлива, как никогда.
- Значит, ты должна остаться, – заключил Гарри.

К ним подошел начальник экспедиции, и Кейра взглянула на Гарри: тот сразу понял, что ему следует оставить их одних. Мальчик поднялся и отошел в сторону.

- Не ходи к реке! – строго сказала Кейра.
- А тебе-то что, ты все равно уезжаешь!
- Гарри! – с упреком воскликнула она.

Но мальчик упрямо зашагал именно туда, куда она запретила ему ходить.

– Вы покидаете раскопки? – удивленно спросил шеф.

– Думаю, всем нам вскоре придется так поступить: у нас нет выбора.

– Не стоит унывать, нужно снова приступить к работе. А воли к победе у нас предостаточно.

– К сожалению, одной воли к победе маловато, у нас не хватит сил и средств. И деньги, чтобы платить рабочим, почти кончились. Единственное, на что я надеялась, – это побыстрее найти что-нибудь стоящее, и тогда бы нам возобновили финансирование. А сейчас, боюсь, мы окажемся не у дел «по техническим причинам».

- А мальчик? Что вы будете с ним делать?
- Не знаю, – ответила Кейра подавленно.

– С тех пор как умерла его мать, он никого, кроме вас, не признает. Почему бы вам не взять его с собой?

– Мне не дадут разрешения. Его задержат на границе, и, прежде чем вернуться в родную деревню, он проведет несколько недель в лагере под стражей.

- Да, у вас на родине нас по-прежнему считают дикарями!
- А вы не могли бы взять на себя заботу о мальчике?

– Мне и так с трудом удастся прокормить семью, а тут еще один рот... Сомневаюсь, что моя жена согласится. К тому же Гарри – мурси, это одно из племен долины Омо, а мы принадлежим к народу амхара, и ужиться вместе нам будет трудно. Вы дали ему новое имя, Кейра, научили своему языку и практически его усыновили. Вы в ответе за него. Он может снова остаться один. Этого нельзя допустить – он не выдержит.

– А как, по-вашему, мне его надо было звать? Мне пришлось дать ему имя. Он же совсем не говорил, когда я его приютила!

– Чем спорить, нам лучше пойти его искать. У него было такое выражение лица, когда он уходил! Боюсь, он скоро не появится.

Коллеги Кейры один за другим собирались у раскопа. Стояло тягостное молчание. Оценив масштаб ущерба, все повернулись к Кейре в ожидании указаний.

– Не смотрите на меня так, словно я ваша мать! – сердито выкрикнула Кейра.

– Все наши вещи пропали, – негодуя воскликнул один из членов экспедиции.

– В деревне несколько погибших, я видела три трупа на берегу реки, – парировала Кейра. – И мне глубоко плевать, что ты остался без спального мешка.

– Надо поскорее организовать захоронение, – вмешался другой. – Не хватало еще, чтобы началась эпидемия холеры.

– Добровольцы есть? – спросила Кейра, в сомнении оглядев присутствующих.

Никто не откликнулся.

– Значит, все пойдем, – объявила она.

– Неплохо бы дождаться, когда за ними придут их близкие, – нужно уважать их обычаи.

– Шамаль не проявил никакого уважения ни к ним, ни к нам, так что лучше поторопиться, пока в воду не попала зараза, – с нажимом произнесла Кейра.

Процессия тронулась в путь.

Остаток дня они провели в печальных хлопотах. Достали из реки мертвые тела, вырыли могилы подальше от берега, насыпали холмики из камней над захоронениями. Каждый молился как умел, в соответствии со своей верой, думая о тех, с кем работал и жил бок о бок последние три года. На закате все археологи собрались вокруг костра. Теплых вещей у них не осталось, а ночи здесь были холодные. Члены экспедиции дежурили по очереди: кто-то один поддерживал огонь, а остальные спали.

Назавтра команда отправилась на подмогу местным жителям. Детишки, собранные со всей деревни, сидели тесной кучкой под присмотром старух. Те, кто помоложе, отправились на поиски материалов, пригодных для строительства. Здесь никому бы в голову не пришло рассуждать о взаимопомощи, все представлялось слишком очевидным: каждый инстинктивно понимал, что именно ему следует делать, каждый был занят работой. Одни строга́ли дерево, другие скрепляли ветки для хижин, третьи бродили по окрестным полям, разыскивая уцелевших коров и коз.

На вторую ночь жители деревни пригласили археологов к себе и разделили с ними скудную трапезу. Несмотря на горе утрат, на только что начавшийся траур, люди стали петь и танцевать: они благодарили богов за то, что те позволили им остаться в живых.

Следующие дни текли размеренно, похожие один на другой. Прошло чуть больше недели, и деревня приобрела почти привычный вид. Впрочем, природа восстанавливалась куда медленнее, повсюду виднелись страшные отметины минувшей катастрофы.

Вождь племени поблагодарил археологов за помощь. Кейра попросила разрешения поговорить с ним с глазу на глаз. Старик в знак признательности согласился, хотя его соплеменники поглядывали на Кейру косо: им явно не нравилось, что эта чужестранка переступит порог его хижины. Выслушав жалобы гости, вождь заверил ее, что Гарри скоро найдется и он присмотрит за мальчиком до возвращения Кейры. В ответ она дала обещание непременно вернуться. Вождь дал понять, что беседа окончена. И напоследок, лукаво улыбнувшись, заметил, что Гарри напрасно скрывается; кстати, сообщил старик, недавно к ним повадился странный зверек, он таскает продукты, пока все спят, а следы его очень похожи на отпечатки ступней маленького мальчика.

На девятый день после бури Кейра собрала свою команду и сообщила, что пришло время покинуть Африку. Радиосвязь нарушена, и им не на кого надеяться, кроме самих себя. Они могут направиться в сторону городка Турми, а оттуда, если повезет найти машину, – на север, в столицу. Путь до Турми опасен, дорог как таковых нет, придется карабкаться по горным склонам и преодолевать перевалы. Есть и другая возможность: спуститься по реке в нижнюю долину; за несколько дней они доберутся до озера Туркана. Переправившись через него, они окажутся на кенийском берегу, в Лодваре, где находится маленький аэродром. Частные само-

леты время от времени приземляются там, доставляя разнообразные товары, и, конечно, им удастся уговорить пилота взять на борт пассажиров.

– Да уж, озеро Туркана – это сногшибательная идея! – с сомнением произнес кто-то из сотрудников.

– А тебе больше нравится ползать по скалам? – раздраженно спросила Кейра.

– Твое спасительное озеро кишит крокодилами, их там развелось, если не ошибаюсь, более четырнадцати тысяч. Днем стоит дикая жара, и часто случаются грозы, между прочим, самые сильные на всем Африканском континенте. С учетом того, что у нас почти не осталось снаряжения, пожалуй, будет лучше покончить с собой именно таким способом: и время сэкономим, и страдать меньше придется!

Итак, как всегда, подтвердилось, что чудес не бывает. Сердитый археолог предложил поставить вопрос на голосование. За вычетом одного голоса, все выбрали путь к озеру. Начальнику экспедиции, который поначалу хотел их сопровождать, пришлось отказаться от своего намерения: ему нужно было на север, к семье. Местные жители помогли археологам собрать кое-какую провизию в дорогу. Выступить решили на следующий день с рассветом.

Кейра всю ночь не спала и то и дело ворочалась на соломенном матрасе. Стоило ей сомкнуть веки, как перед глазами возникало лицо Гарри. Она вспоминала тот день, когда впервые увидела его. Кейра тогда решила обследовать окрестности лагеря и возвращалась усталая после нелегкой десятикилометровой прогулки. Гарри сидел один-одинешенек рядом с маленькой хижинкой. А вокруг ни души. Малыш не издал ни звука и только пристально, не мигая смотрел на незнакомку. Что ей было делать? Топать дальше к лагерю, притворяясь, будто так и надо? Заглянув в убогое жилище, она обнаружила, что мать мальчика скончалась, по всей видимости, только что. Кейра пыталась расспросить малыша, узнать, есть ли у него родные, к которым она могла бы его отвести, но он не проронил ни слова. Кейра несколько часов молча просидела рядом с ним, потом тронулась в путь. По дороге ей все время казалось, что он следует за ней на некотором расстоянии, прячась всякий раз, как она оборачивается. Однако подойдя к лагерю, она не обнаружила ни единого признака, что он рядом, никакого следа. И подумала, что он повернул назад. Но на следующее утро начальник экспедиции сообщил, что кто-то украл часть продуктов, и Кейра вздохнула с облегчением.

Прошло несколько недель, прежде чем они снова увиделись. Кейра распорядилась каждый вечер оставлять около ее палатки еду и питье. И каждый вечер выслушивала упреки начальника экспедиции: это крайне неосмотрительно, так можно привлечь опасных хищников. Но тот, кого Кейра решила приручить, был всего-навсего маленький дикий зверек, одинокий испуганный ребенок.

Время шло, и все больше Кейру занимало странное поведение мальчика. По вечерам, спрятавшись в палатке, она чутко прислушивалась к звукам снаружи, пытаясь уловить шорох шагов малыша, которого она уже называла про себя Гарри. Почему она выбрала это имя? Она не могла объяснить – наверное, оно пришло к ней во сне. Однажды, когда уже стемнело, она набралась смелости и решила подождать его около ящика, на котором ему обычно оставляли еду. На сей раз она разложила приборы, и ящик стал похож на настоящий стол, накрытый к ужину посреди тьмы и пустоты.

На тропинке, ведущей к лагерю со стороны реки, появился Гарри. Он шел горделивой поступью, расправив плечи и вскинув голову. Когда он очутился совсем рядом, Кейра приветливо махнула ему рукой и приступила к еде. Чуть помедлив, он уселся напротив нее. Это был их первый совместный ужин, и Кейра попыталась научить его первым английским словам. Он их за ней не повторял, но назавтра, когда они снова сели ужинать, назвал все предметы правильно, ни разу не сбившись.

Лишь месяц спустя Гарри осмелился появиться в лагере при свете дня. Кейра осторожно снимала тонкие пласты почвы, надеясь отыскать что-нибудь интересное, когда мальчик вырос

рядом с ней, точно из-под земли. Дальше Кейра повела себя более чем странно. Не заботясь о том, поймет ли ее малыш, она принялась подробно рассказывать ему, что она делает и почему для нее так важно найти в земле маленькие кусочки окаменелостей, которые, возможно, помогут разобраться в том, как на нашей планете появился человек.

Назавтра Гарри пришел в тот же час и просидел с Кейрой до самого вечера. Все последующие дни он появлялся в одно и то же время с завидной пунктуальностью, и это приводило Кейру в замешательство: у мальчика не было часов. Неделя шла за неделей, и никто не заметил, как Гарри окончательно поселился в лагере. Перед обедом и ужином он покорно отбывал свою повинность: выслушивал лекции Кейры на английском, пополняя словарный запас.

В тот вечер ей очень хотелось вновь услышать, как он тихонько бродит вокруг ее палатки, ожидая, пока она пригласит его войти. Вот бы он пришел, она рассказала бы ему африканскую сказку – она знала их великое множество.

Как она завтра тронется в путь, не повидавшись с ним? Уйти и не сказать ни слова – это хуже чем бросить, молчание равносильно предательству. Кейра сжала в ладони подарок, который однажды преподнес ей Гарри. Станный треугольный предмет, гладкий и твердый, словно выточенный из эбенового дерева, всегда висел у нее на шее на тонком кожаном шнурке. Да, цветом он напоминал черное дерево, но был ли он на самом деле деревянным? Вещица эта не походила ни на одно традиционное украшение местных племен; даже вождь не сумел объяснить ее происхождение. Когда она показала ему черный треугольник, старик лишь покачал головой, заявив, что не знает, откуда взялась эта штука, и считает, что лучше поостеречься и не носить ее на теле. Но ведь это подарок Гарри... Когда Кейра однажды его спросила, где он ее нашел, мальчик объяснил, что подобрал ее на островке посреди озера Туркана. Как-то раз они с отцом отправились к кратеру старого вулкана, потухшего много веков назад, туда, где почва жирная от плодородного ила, и там он наткнулся на это сокровище.

Кейра вернула треугольник на прежнее место: теперь он вновь висел у нее на груди. Она закрыла глаза, но сон не шел.

Едва занялась заря, она собрала свои пожитки и разбудила коллег. Их ожидало долгое путешествие. Наспех позавтракав, команда тронулась в путь. Рыбаки одолжили им две пироги, в каждой помещалось четыре человека. По дороге им предстояло несколько раз причаливать к берегу и перетаскивать лодки по суше, огибая пороги и водопады.

Все жители деревни столпились на берегу. Не хватало только одного – маленького мальчика. Начальник экспедиции крепко обнял Кейру, с трудом сдерживая волнение. Потом археологи погрузились в лодки, и ребяташки попрыгали в воду, помогая им оттолкнуться от берега; вскоре течение неспешно повлекло их вперед.

Они прошли уже несколько миль, а с соседних полей им все махали и махали местные жители. Кейра молча вглядывалась в берега, надеясь увидеть Гарри. Когда река сделала крутой поворот, обходя высокие отвесные скалы, последняя надежда рухнула. Они отплыли слишком далеко.

– Может, так даже лучше, – вздохнул Мишель, французский коллега Кейры, с которым они прекрасно понимали друг друга.

Она попыталась ему ответить, но горло перехватило от тоски.

– Он вернется к привычной жизни, – продолжал Мишель. – Не изводи себя. Тебе не в чем себя упрекнуть; не будь тебя, Гарри наверняка умер бы с голоду. К тому же старик вождь тебе обещал, что позаботится о нем.

Течение понесло их дальше, и вдруг на крохотной полоске песчаного берега показалась фигурка Гарри. Кейра вскочила так резко, что лодка едва не перевернулась. Мишель с трудом выровнял пирогу под сердитое ворчание коллег. Кейра ничего не слышала, только во все глаза смотрела на мальчика: тот сидел на корточках и пристально глядел на нее.

– Я вернусь, Гарри, клянусь тебе! – прокричала она.

Мальчик ничего не ответил. Может, он просто не расслышал?

– Я тебя повсюду искала! – вопила она что было мочи. – Я не хотела уезжать, не повидав тебя. Мне будет тебя не хватать, малыш, – сквозь рыдания проговорила она. – Мне тебя будет очень не хватать. Обещаю, я вернусь, верь мне, ты слышишь? Умоляю тебя, Гарри, подними руку или кивни, чтобы я знала, что ты меня слышишь.

Но ребенок не шелохнулся. Вскоре маленькая фигурка скрылась за поворотом реки. И девушка-археолог так и не увидела, как худенькая ручка слабо махнула ей на прощание.

Плато Атакама, Чили

По ночам я не могу сомкнуть глаз. Всякий раз как подступает сон, я резко вскакиваю: меня охватывает жуткое ощущение удушья. Эруэн, мой австралийский коллега, привычный к работе на большой высоте, не спит с самого приезда. Поскольку он занимается йогой, то пока еще держится. Я когда-то увлекался танцами и даже дважды в неделю посещал занятия на Слоун-авеню, однако моей физической подготовки явно не хватает, и мой организм не справляется с нагрузками. На высоте пять тысяч метров над уровнем моря содержание кислорода в воздухе снижается на сорок процентов. Через несколько дней у вас появляются симптомы горной болезни. Кровь густеет, голова тяжелеет, мысли начинают путаться, почерк становится корявым, и каждое движение требует невероятных затрат энергии. Те, кто работает здесь дольше всех, советуют поглощать побольше глюкозы. Здесь рай для сладкоежек – никакого риска набрать лишний вес, поскольку сахар расщепляется, едва попав в организм. Одна незадача: на высоте пять тысяч метров над уровнем моря напрочь пропадает аппетит. Лично я питаюсь почти исключительно шоколадом.

На плато Атакама время словно остановилось. Это бесплодная сухая равнина, окруженная горами. Если бы здесь было чем дышать, это место вполне сошло бы за обычную каменистую пустыню. Мы находимся на одной из «крыш мира», впрочем, никакого мира вокруг вроде бы совсем нет. Ни травинки, ни зверька, только камни да пыль, лежащие здесь уже двадцать миллионов лет. Воздух, который мы вдыхаем с таким трудом, – самый сухой на планете, в пятьдесят раз суше, чем в Долине смерти. Окрестные вершины, хоть и вздымаются на целых шесть тысяч метров, лишены снежных шапок. Именно из-за всего этого мы и приехали сюда. Поскольку здесь нет ни малейшей влажности, это место выбрали для осуществления самого грандиозного астрономического проекта в истории человечества. Мы должны совершить почти невозможное: установить здесь шестьдесят четыре связанные между собой антенны телескопов, каждая высотой с десятиэтажный дом. Как только монтаж завершится, эту конструкцию соединят с компьютером, способным производить шестнадцать миллиардов операций в секунду. И для чего все это? Чтобы выйти из тьмы, сфотографировать самые отдаленные галактики, увидеть пространства космоса, до сих пор нам недоступные, и, возможно, запечатлеть первые секунды существования Вселенной.

Вот уже три года прошло с тех пор, как я поступил на работу в Европейскую организацию астрономических исследований и уехал в Чили.

Обычно я работаю в сотне километров от плато Атакама, в обсерватории Ла-Силья. Этот район расположен на одном из самых глубоких на Земле сейсмических разломов: здесь проходит граница двух континентов. Когда-то давным-давно две материковые платформы приблизились друг к другу и, с колоссальной силой столкнувшись, вздыбились – так появились Кордильеры. Минувшей ночью нас как следует потрянуло. Никто не пострадал, но два телескопа, Нако и Синфони – каждому телескопу мы даем имя, – теперь нуждаются в ремонте.

Воспользовавшись нашим вынужденным бездельем, директор центра отправил нас с Эруэном присматривать за пуском третьей гигантской антенны на объекте. И вот теперь я едва

дышу, и все из-за дурацкого землетрясения, по вине которого меня забросило на высоту пять тысяч метров.

Всего лишь пятнадцать лет назад астрономы еще бурно спорили о том, существуют ли планеты за пределами Солнечной системы. Да, самое унижительное для ученого – признать, что все возможно. За последнее десятилетие люди открыли больше ста семидесяти планет. Все они слишком сильно отличались от Земли: были слишком велики, располагались слишком близко или, наоборот, слишком далеко от своих звезд. В общем, сравнивать их с нашей планетой, а тем более питать надежду найти там сходные с земными формы жизни, вряд ли стоило, вряд ли имело смысл... до тех пор, пока мои коллеги не совершили одно открытие, и произошло это вскоре после моего приезда в Чили.

Благодаря датскому телескопу, установленному в обсерватории Ла-Силья, они увидели вторую «Землю», расположенную на расстоянии двадцать пять тысяч световых лет от нашей планеты.

Она примерно впятеро больше Земли и совершает полный оборот вокруг своего «Солнца» за наши земные десять лет. Но кто возьмется утверждать, что часы и дни на этой планете похожи на наши земные, – ведь она от нас так далеко и одновременно так близко? И хотя эта планета в три раза дальше от своей звезды, чем наша Земля от Солнца, а значит, и температура на ней ниже, все равно там имеются условия для зарождения жизни.

Открытие это, по-видимому, не вызвало сенсации, газеты не посвятили ему первую полосу – в общем, оно осталось почти не замеченным.

Последние несколько месяцев нас постоянно преследовали всевозможные злоключения – то и дело что-нибудь ломалось, а конец года оказался для меня особенно трудным. Поскольку я не выдал никаких весомых результатов, дни моего пребывания в Чили были сочтены. А между тем, несмотря на проблемы с акклиматизацией на высокогорье, я вовсе не жаждал возвращаться в Лондон. Я бы ни за что на свете не променял необъятные пространства Чили и плитки горького шоколада на крохотное окошко моего лондонского кабинета и говядину с фасолью в пабе на Гауэр-Корт.

Три недели мы сидели безвылазно на плато Атакама, а мое тело все никак не желало привыкать к нехватке кислорода. Когда объект начнет функционировать, в помещениях, конечно, создадут необходимое давление, но пока что нам предстояло помучиться. Эруэн заявил, что выгляжу я отвратительно, и попытался отправить меня обратно на базу. «Ты в конце концов просто свалишься, – бубнил он три дня подряд, – и если у тебя что-нибудь случится с сосудами мозга, будет поздно упрекать себя в неосмотрительности».

Конечно, он в чем-то был прав, но сбежать сейчас значило раз и навсегда упустить свой шанс и отказаться от участия в захватывающем приключении, которое здесь скоро начнется. Получить доступ к такому оборудованию, стать членом такой команды – об этом можно только мечтать.

Когда стемнело, мы вышли из своего жилища. За полчаса дотащились до третьей антенны телескопа. Эруэн занялся настройкой, я стал снимать показания прибора, измеряющего частоту принимаемых волн. Эти волны, преодолевшие огромные расстояния, долетели до нас из очень далеких уголков космоса – еще десять лет назад мы себе такого и вообразить-то не могли. Впрочем, я и сегодня не сумел бы себе представить, каких грандиозных результатов мы сможем добиться, когда все шестьдесят параболических антенн наконец соединятся между собой и с центральным компьютером.

– Ну как, есть что-нибудь? – окликнул меня Эруэн с металлического мостка на третьем уровне антенны.

Мне показалось, я ему ответил, однако он меня переспросил. Наверное, я говорил недостаточно громко. Воздух на плато слишком сухой, он плохо проводит звук.

– Эдриен, черт тебя возьми, есть сигнал или нет? Не торчать же мне тут часами!

Я говорил с огромным трудом – должно быть, это от холода. Здесь немыслимая стужа, у меня даже кончики пальцев онемели. И губы еле шевелились.

– Эдриен! Ты меня слышишь?

Разумеется, слышу! Интересно только, почему ты меня не слышишь?

Раздался гулкий звук шагов, и Эруэн спустился со своего насеста.

– Ты чего тут, совсем в осадке? – прорычал он, направляясь в мою сторону.

У него сделалось очень забавное выражение лица. Побросав все инструменты, он со всех ног помчался ко мне. Взгляд его светился заботой и беспокойством.

– Эдриен, у тебя кровь из носа хлещет!

Он подхватил меня под руки и помог подняться. Оказывается, все это время я сидел на земле. Эруэн стал звать на помощь по переговорному устройству. Я попытался ему помешать: нет никакой необходимости беспокоить людей среди ночи, я просто устал. Но руки отказывались повиноваться, и я не мог управлять своими движениями.

– Вызываю базу, вызываю базу! Это Эруэн, я у антенны номер три, ответьте, мне нужна помощь! – повторял Эруэн.

Мне стало смешно. Он кричал так, будто мы по-настоящему терпели бедствие – например, падал наш самолет. Но поучать его сейчас было бы нелепо, да и несвоевременно. На меня напал идиотский смех.

И чем больше я хохотал, тем тревожнее поглядывал на меня Эруэн. Странно, не он ли сам говорил мне, что надо относиться к жизни проще?

Сквозь треск до меня доносился чей-то знакомый голос, отвечавший моему товарищу, однако я не мог сообразить, кто говорит. Эруэн объяснил, что мне плохо, – неправда, мне никогда не было так хорошо, все вокруг казалось удивительно красивым, и даже Эруэн выглядел потрясающе, хотя лицо его словно окаменело. Вероятно, луна нынче светила по-особенному, оттого и мой коллега представлялся мне прекрасным. Правда, вскоре его силуэт стал расплываться, а голос, доносившийся будто из-под воды, и вовсе стих – как в той детской игре, когда мальчишки раскрывают рот, беззвучно проговаривая слова. Лицо Эруэна заволокло туманом, а я начал терять сознание.

Эруэн находился со мной неотлучно. Он тряс меня, не давая впасть в забытие. Я сердился на него: мне очень хотелось спать, а он все время будил меня самым безжалостным образом. Прошло минут десять после вызова, и за нами приехал джип. Коллеги, наспех одевшись, доставили меня в лагерь и отвели к врачу. Тот велел немедленно меня эвакуировать. Так и закончились мои грандиозные планы, связанные с телескопом в Атакаме. На вертолете меня доставили в долину, в больницу Сан-Педро. Три дня мне давали дышать кислородом и только потом отпустили. Эруэн пришел навестить меня, а с ним явился и директор центра научных исследований, выразивший сожаление, что ему «приходится расстаться с ученым такого уровня». Я счел эту похвалу утешительным призом, приятным довеском к чемодану, который, как мне намекнули, уже пора укладывать. Меня ждали тесный университетский кабинет с маленьким окошком, паб на углу Гауэр-Корт и отвратительная говядина с фасолью. И насмешливые взгляды коллег – только бы хватило сил их не замечать. Не так-то просто избавиться от детских воспоминаний. Они неотступно преследуют вас во взрослой жизни, словно назойливые призраки.

В деловом костюме с галстуком, в лабораторном халате или наряде клоуна вы все равно остаетесь тем же ребенком, каким были давным-давно.

У меня не хватило бы сил проделать путь по боливийским дорогам, петляющим на высоте четырех тысяч метров. Так что пришлось лететь из Сан-Педро в Аргентину, а там сесть на самолет до Лондона. Когда в иллюминатор я увидел, как удаляется горная цепь Кордильер, во мне поднялась ярость, и я возненавидел все, связанное с этой поездкой. Если бы я знал, что ждет меня впереди, думаю, мои чувства были бы иными.

Лондон

Унылый мелкий дождик, сеющий над городом, напомнил мне, где я. Такси вырулило на шоссе М1, и стоило мне прикрыть глаза, как я почувствовал запах старых деревянных панелей и навощенного пола в университетском холле, кожаных ранцев и мокрых плащей моих однокашников.

Я не смог сразу попасть к себе: во время сборов в Чили мне так и не удалось отыскать ключ от лондонской квартиры. Кажется, дубликат лежал в ящике стола у меня в кабинете. Придется дожидаться вечера и только потом окунуться в пыль, которая, должно быть, давно хозяйничает в моем жилище.

Далеко за полдень я подъехал к административным зданиям Академии и, сделав глубокий вдох, вошел в вестибюль. Скоро мне снова приступать к своим обязанностям.

– Эдриен! Вот уж не ожидал вас здесь увидеть! Как я рад!

Передо мной стоял Уолтер Гленкорс, ответственный за работу с преподавательским составом. Должно быть, этот тип проследил за мной из своего окна; я тут же представил себе, как он во всю прыть скатывается по лестнице, потом внизу замедляет шаг, придавая походке солидность, и приглаживает перед зеркалом остатки тонких белобрых волос, украшающих его макушку.

– Уолтер, дорогой! Я тоже удивлен и безмерно рад!

– Да, дружище, видеть вас в этих стенах – большая редкость. Это почти так же удивительно, как если бы я поехал в Перу, а не сидел здесь по своему обыкновению.

– Вообще-то, Уолтер, я был в Чили.

– Ах да, конечно же в Чили, как я мог забыть? Такая ужасная история с этим высокого-рьем... Я слышал, что там с вами произошло. Очень жаль.

Уолтер из тех, кто на людях охотно выказывает добродушие, но на дне его души живет мерзкий гном в ярко-розовом облачении, который корчится от хохота, глядя на вас и ваши несчастья. Уолтер – редкостный тип подданного Британской короны, он способен убедить английских коров и коз отказаться от сочной травы и превратиться в хищников.

– Позвольте пригласить вас на обед, сегодня вы мой гость, – заявил он, приосанившись.

Уолтер не расстался бы добровольно и с парой фунтов, если бы не чрезвычайные обстоятельства: или он получил распоряжение от академического начальства, или ему нужно вытянуть из меня что-то важное. Заходить к себе в кабинет, где после отъезда я оставил несусветный кавардак, не имело никакого смысла, поэтому я просто избавился от чемодана, оставив его в гардеробе, и вышел на улицу в сопровождении блистательного Уолтера.

Мы устроились за столиком паба, Уолтер заказал два дежурных обеда и два стакана дрянного красного вина – Академия угощает! Затем наклонился ко мне, словно не хотел, чтобы наш дальнейший разговор услышал кто-нибудь из соседей:

– Как же вам повезло, вы пережили такое невероятное приключение... Наверное, работать на таком объекте, как Атакама, безумно интересно.

Надо же, на сей раз Уолтер не только не перепутал страну, откуда я вернулся, но даже вспомнил то место, где я работал еще на прошлой неделе. Одно только его название перенесло

меня на просторы Чили, к величественной Луне, поднимавшейся над горизонтом в разгар дня, к холодным ясным ночам и необычайному, сверкающему небесному своду.

– Эдриен, вы меня слышите?

Я тут же признался, что на секунду потерял нить разговора.

– Да-да, понимаю, это вполне нормально. Вы устали, у вас случился приступ, потом было долгое путешествие, а я даже не дал вам времени прийти в себя. Мне крайне неловко, Эдриен.

– Ладно, Уолтер, давайте оставим эти церемонии. Все правильно, мне стало плохо на высоте пять тысяч метров над уровнем моря, меня несколько дней продержали в больнице на койке, сконструированной каким-то факиром-извращенцем, потом я больше суток провел скрючившись в самолете, – это понятно, так что перейдем прямо к делу. Меня понизили в должности? Мне закрыт доступ в лабораторию? Меня уволили из Академии? Так, да?

– Помилуйте, что это вам в голову взбрело? То, что произошло с вами, могло случиться с кем угодно. Наоборот, все восхищаются работой, проделанной вами в Атакаме.

– Перестаньте через каждое слово повторять это название и скажите наконец, за какие прегрешения вы пичкаете меня этими ужасными дежурными блюдами!

– Мы хотим попросить вас выполнить одно небольшое поручение.

– Мы?

– Мы, то есть Академия, выдающимся членом которой вы являетесь, дорогой Эдриен, – веско произнес Уолтер.

– А о каком поручении идет речь?

– Оно даст вам возможность через несколько месяцев вернуться в Чили.

Уолтер знал, чем привлечь мое внимание.

– Поручение довольно деликатное, Эдриен, речь идет о деньгах, – зашептал Уолтер.

– О каких еще деньгах?

– О деньгах, которые понадобятся Академии, чтобы продолжать работу, чтобы платить научным работникам, чтобы снимать для них жилье... не говоря уж о том, что крыши многих зданий давно нуждаются в ремонте, а он все откладывается. Если дождь не перестанет, мне придется сидеть за столом и писать отчеты в резиновых сапогах.

– Вы же сами захотели обосноваться на последнем этаже, потому что там больше света, за что и заплатились. Но я ведь не богатый наследник, Уолтер, и даже не кровельщик. Так чем же, при моих скудных возможностях, я могу помочь Академии?

– Вы можете оказать огромную услугу Академии не как ее член, а как видный астрофизик.

– Который тем не менее работает в этой самой Академии.

– Конечно! Но это не так уж важно для того поручения, которое мы намерены вам дать.

Я подозвал официантку, попросил ее убрать несъедобную говядину с фасолью и принести хорошего кентского вина и две тарелки честерского сыра. Уолтер не издал ни звука.

– Уолтер, объясните мне толком, чего вы от меня ждете. В противном случае я доем сыр, потом закажу на десерт пудинг с соусом «бурбон», и все это, разумеется, за ваш счет.

Уолтер сразу стал более откровенным. Фонды Академии усохли до предела. Никаких надежд на новые бюджетные ассигнования; к тому времени как государство соблаговолит выделить хоть какие-нибудь средства, в кабинете Уолтера можно будет ловить форель.

– Если наше уважаемое учреждение станет просить о денежной помощи, это будет выглядеть неприлично; пресса об этом рано или поздно узнает, и поднимется скандал, – продолжал Уолтер.

Он напомнил, что через два месяца должен состояться конкурс, организованный Фондом Уолша. Каждый год этот фонд вручает денежную премию тому, кто представит самый перспективный исследовательский проект.

– И какова же сумма этого великодушного дара? – поинтересовался я.

– Два миллиона фунтов стерлингов.

– Ну и щедрость! Только я так и не понял, чем я-то могу быть полезен?

– А ваши работы, Эдриен! Вы можете представить их на конкурс и получить эту премию... а потом передать ее нам. Пресса, конечно, расценит это как поступок истинного джентльмена, проявившего бескорыстие, а также как благодарность тому учреждению, которое долгие годы оказывает ему поддержку в научной работе. Вас станут превозносить, честь Академии будет спасена, а финансовое положение стабилизируется.

– Кстати, давайте поподробнее о моем бескорыстии, – произнес я и попросил официантку снова наполнить мой бокал. – Чтобы прояснить этот вопрос, стоит наведаться в мою конуру из двух крохотных комнатенок. Пользуясь случаем, я хотел бы уточнить, на что вы намекаете, когда говорите о «благодарности тому учреждению, которое долгие годы оказывает ему поддержку в научной работе». Вы имеете в виду мой убогий кабинет? Или те материалы и книги, которые я покупал на собственные гроши, потому что на мои запросы никто не реагировал?

– Но вы же поехали в командировку в Чили! И мы вас поддержали, насколько мне известно!

– Поддержали? О чем вы говорите? Я отправился в эту командировку, взяв в Академии длительный отпуск за свой счет!

– Мы поддержали вашу кандидатуру.

– Уолтер, прошу вас, не будьте до такой степени англичанином. Вы ведь никогда не верили в то, чем я занимаюсь.

– Но не будете же вы отрицать, что поиски самой древней звезды, давшей начало всем созвездиям, – это слишком амбициозный и дерзкий замысел.

– Слишком дерзкий, но в самый раз для того, чтобы представить его на конкурс Фонда Уолша?

– Нужда свой закон пишет, как говорил святой Бернард.

– Если я правильно понял, вас совершенно не смущает, что я себе камень на шею повешу.

– Ладно, проехали. Я им говорил, что вы откажетесь. Для вас никогда не существовало никаких авторитетов, и вряд ли легкий приступ горной болезни мог вас изменить.

– Значит, вы не единственный автор этой безумной идеи?

– Нет, по этому поводу собирался административный совет, а я только предложил список тех ученых, чьи работы имеют реальный шанс победить и выиграть два миллиона фунтов.

– И кто же еще в списке кандидатов?

– Кроме вас, я никого не нашел.

Уолтер попросил счет.

– Бросьте, Уолтер, я вас угощаю. Конечно, на эти деньги крышу вы не почините, зато на резиновые сапоги хватит.

Я заплатил по счету, и мы вышли наружу. Дождь перестал.

– Поверьте мне, Эдриен, я не держу на вас зла.

– И я на вас тоже, Уолтер.

– Думаю, если бы мы хоть немного сблизились, мы прекрасно поняли бы друг друга.

– Ну что ж, раз вы так думаете...

Мы завершили нашу короткую прогулку в полном молчании. Шагая в ногу, прошли по Гауэр-Корт. Сторож поприветствовал нас, когда мы поравнялись с его будкой. Войдя в вестибюль главного здания, я попрощался с Уолтером и направился в то крыло, где находился мой кабинет. Уолтер, поднявшись на первую ступеньку парадной лестницы, окликнул меня и поблагодарил за обед. Добравшись до своего кабинета, я битый час провозился с дверью, которая, вероятно, разбухла от сырости, я ее дергал и толкал, но так и не сумел открыть. Выбившись из сил, я сдался и ушел. В конце концов, мне предстояла грандиозная уборка квартиры, так что и до вечера было не управиться.

Париж

Кейра открыла глаза и посмотрела в окно. Мокрые крыши блестели под солнечными лучами, пробившимися сквозь разрыв в облаках. Девушка с удовольствием потянулась, скинула одеяло и выпрыгнула из кровати. Шкафчики крохотной кухоньки были пусты, только одинокий пакетик чая валялся на дне жестяной банки. Часы над плитой показывали пять вечера, а те, что висели на стене напротив, – одиннадцать с четвертью. На старом будильнике у кровати стрелки застряли на двух часах дня. Кейра взяла трубку и позвонила сестре:

– Скажи, который час?

– Здравствуй, Кейра.

– Здравствуй, Жанна. Какой час?

– Скоро два часа дня.

– Так поздно?

– Между прочим, я встретила тебя в аэропорту позавчера вечером.

– Значит, я проспала больше полутора суток?

– Это зависит от того, когда ты легла.

– Ты занята?

– Я у себя в кабинете, в музее, работаю. Подъезжай ко мне на набережную Бранли, я отведу тебя пообедать.

– Жанна!

Но сестра уже повесила трубку.

Выйдя из ванной, Кейра обшарила платяной шкаф в поисках чистой одежды. От вещей, которые она брала с собой в поездку, ничего не осталось – всё унес шамаль. Она выудила наконец потертые джинсы, «еще вполне сносные», голубую рубашку поло, «тоже сойдет», и старую кожаную куртку, «почти винтажную». Оделась, высушила волосы, на скорую руку подкрасилась перед зеркалом в передней и захлопнула за собой входную дверь. Оказавшись на улице, вскочила в автобус и протиснулась к окну. Вывески магазинов, толпы пешеходов на тротуарах, автомобильные пробки... После многих месяцев, проведенных вдали от всего и всех, бурная жизнь столичного города опьяняла ее. Раньше времени выйдя из автобуса, где ей показалось слишком душно, Кейра прошла по набережной и остановилась ненадолго посмотреть, как течет река. Перед ней раскинулись не берега Омо, а парижские мосты, и это тоже было очень красиво.

Подойдя к Музею искусства и культуры народов Африки, Азии, Океании, Северной и Южной Америки, она стала с удивлением разглядывать вертикальный сад. Когда она уезжала из Парижа, здание еще не достроили, но его фасад, который украшали роскошные растения, уже тогда казался вершиной технологической мысли.

– Завораживающее зрелище, да? – спросила Жанна.

Кейра подскочила от неожиданности:

– Я не видела, как ты подошла.

– А я тебя видела, – заявила сестра, указав на окно своего кабинета. – Я тебя уже поджидала. Правда, эти растения безумно красивы?

– Там, где я была, нам едва удавалось выращивать самые простые овощи даже на горизонтальной поверхности, а тут вся стена ими покрыта... И сказать-то нечего...

– Перестань строить несчастное лицо. Пойдем.

Жанна потащила Кейру в музей. Наверху просторной спиральной лестницы, напоминавшей гигантскую ленту, посетитель осматривал большой макет; на нем были представлены те географические зоны, откуда в музей поступили три с половиной тысячи его экспонатов. Этот музей, где смешались цивилизации, верования, обычаи, мировоззрения, позволял, пройдя

всего несколько шагов, попасть из Океании в Азию, из Америки в Африку. Кейра застыла перед собранием африканских тканей.

– Если тебе здесь нравится, ты всегда найдешь время зайти сюда и заодно повидаться с сестрой – как только захочешь. Я тебе постоянный пропуск закажу. А теперь хоть на пару минут забудь свою Эфиопию и иди за мной, – приказала Жанна, подхватив Кейру под руку.

Устроившись за столиком ресторана, откуда открывался широкий вид, она заказала два чая с мятой и восточные сладости.

– Что ты думаешь делать? – спросила она. – Ты хоть немного побудешь в Париже?

– Моя первая серьезная поездка закончилась полным крахом. У нас погибло все оборудование, моя команда оказалась на грани истощения. Вот такой у меня послужной список. Мне почему-то кажется, что в следующую командировку я отправлюсь нескоро.

– Насколько я знаю, в том, что там случилось, твоей вины нет.

– У меня такая профессия, где важны только результаты. Прошло целых три года, а мне нечего предъявить. У меня больше хулителей, чем союзников. А самое обидное то, что мы уже вплотную приблизились к цели, я в этом уверена. Еще немного времени – и мы совершили бы открытие.

Кейра замолкла. За соседний столик села женщина, вероятно сомалийка, подумала Кейра, разглядев рисунок и расцветку ее платья. С ней был маленький мальчик, которого она вела за руку. Заметив, что Кейра на него смотрит, малыш подмигнул ей.

– И сколько времени тебе потребуется, чтобы окончательно вернуться из этих просторов и этих песков? Пять лет, десять, а может, целая жизнь?

– Перестань, Жанна, я очень по тебе скучала, но не до такой степени, чтобы безропотно выслушивать поучения старшей сестры, – проворчала Кейра, не в силах оторвать взгляда от малыша, который с аппетитом уплетал мороженое.

– А тебе не хотелось бы когда-нибудь завести ребенка? – продолжала Жанна.

– Вот только не надо опять заводить разговор о биологических часах, которые неумолимо тикают. Оставь в покое мои яичники! – вскричала Кейра.

– Сделай милость, не исполняй свой любимый номер. Между прочим, я здесь работаю, – прошипела Жанна. – Ты всерьез считаешь, что это тебя не касается и время над тобой не властно?

– Да плевать я хотела на этот чертов маятник, что отсчитывает мои дни, Жанна. Я не могу иметь ребенка.

Сестра Кейры опустила стакан с чаем на стол.

– Мне так жаль, – пробормотала она. – Почему ты мне раньше не говорила? Что с тобой такое?

– Успокойся, никаких наследственных болезней.

– Почему же тогда ты не можешь иметь детей? – не унималась Жанна.

– Потому что в моей жизни нет мужчины! Это достаточно веская причина? Ну все, закончим. И дело даже не в том, что этот разговор мне наскучил, хотя... В общем, мне нужно сделать кучу покупок. Мой холодильник совершенно пуст, так что внутри даже раздается эхо.

– А тебе ничего и не понадобится, сегодня ты ужинаешь и ночуешь дома, – отрезала Жанна.

– С какой это стати?

– А я теперь тоже живу одна, и мне хочется побыть с тобой.

Остаток дня они провели вместе. Жанна устроила для сестры экскурсию по музею. Зная, что Кейра питает особую любовь к Африканскому континенту, она заставила ее познакомиться с одним из ее друзей, работавшим в Обществе ученых-африканистов. Айвори на вид было лет семьдесят, хотя на самом деле – больше восьмидесяти, но никто точно не знал его возраста,

эту тайну он охранял, как сокровище. Вероятно, потому, что боялся, как бы его не отправили на пенсию, а об этом он даже слышать не хотел.

Этнолог принял гостей в своем маленьком кабинете в дальнем конце коридора. Он подробно расспросил Кейру о поездке в Эфиопию. Внезапно взгляд старика остановился на треугольном камне, висевшем на шее Кейры.

– Где вы купили такой красивый камень? – спросил он.

– Я не купила, мне его подарили.

– А вам сказали, откуда он?

– Точно нет, это просто камешек, который нашел на земле один мальчик, а потом подарил мне. А почему вы спрашиваете?

– Вы позволите рассмотреть его поближе, а то зрение у меня уже не то, что прежде.

Кейра сняла с шеи шнурок с камешком и протянула украшение Айвори.

– Какое оно странное, я никогда не видел ничего подобного. Я даже затрудняюсь определить, какое племя могло изготовить вещицу столь удивительной формы. Работа просто безупречна.

– Я знаю, сама уже пыталась узнать. Думаю, это обыкновенный кусочек дерева, отполированный ветром и водами реки.

– Вполне вероятно, – пробормотал ученый, но в голосе его явно слышалось сомнение. – А может, все-таки попробуем разузнать о нем побольше?

– Конечно, если вам угодно, – поколебавшись, согласилась Кейра. – Однако вряд ли это будет что-то любопытное.

– Может, да, – произнес старик, – а может, и нет. Приходите ко мне завтра, – сказал он, возвращая подвеску владелице, – попробуем вместе найти ответ на наши вопросы. Я очень рад с вами познакомиться. Теперь наконец я знаю, какова она, сестра Жанны, о которой я так много слышал. Итак, до завтра? – уточнил он, провожая их до двери.

Лондон

В Лондоне я живу на узкой улочке, некогда застроенной каретными сараями и конюшнями, которые потом переделали в крохотные жилые домики. Ходить, спотыкаясь и оскальзываясь, по старой неровной мостовой, конечно, не очень приятно, однако в этом районе сохранилось дивное ощущение остановившегося времени. Например, в соседнем домике когда-то жила Агата Кристи. Только подойдя к своей входной двери, я вспомнил, что у меня нет ключей. Небо потемнело, и начался ливень, грозя промочить меня до костей. На мое счастье, соседка, закрывая окна, заметила меня и поздоровалась. Воспользовавшись этим, я попросил ее позволения – увы, это случалось не впервые – пройти к себе через ее садик. Она любезно открыла мне и, перемахнув через низенькую живую изгородь, я оказался у задней двери своего дома. Достаточно будет стукнуть по ней как следует кулаком, и я окажусь внутри – если только кто-нибудь случайно ее не починил, а такое чудо вряд ли возможно.

Я еле держался на ногах от усталости и все еще злился оттого, что пришлось вернуться в Англию, однако с удовольствием предвкушал встречу с домом, с безделушками, купленными за бесценок на лондонских блошиных рынках, и возможность провести этот вечер в тишине и покое.

Радость моя оказалась недолгой: в дверь позвонили. Поскольку я так и не сумел ее открыть, даже изнутри, мне пришлось подняться на второй этаж, и в окно я увидел, что возле дома топчется Уолтер, изрядно промокший и растрепанный.

– Эдриен, вы не имеете права вот так взять и бросить меня!

– Но я вас никуда и не уносил, насколько я помню!

– Сейчас не время для глупых шуточек, моя карьера в ваших руках, понимаете?! – заорал он во всю мочь.

Соседка открыла окно и предложила впустить моего гостя, как она пустила меня, через садик. Ей это совсем не трудно, наоборот, даже приятно, поскольку в противном случае мы перебудим всю улицу.

– Весьма сожалею, что пришлось вторгаться к вам, но у меня не было выбора, – заявил он, ввалившись в мою гостиную и оглядевшись. – Кстати, ваша конура, как вы ее назвали, совсем недурна.

– Одна малюсенькая комнатка внизу и одна наверху!

– Да, но я не так представлял себе скромную квартиру из двух комнат. Надо же, ваша зарплата вам позволяет снимать целый коттедж, хоть и небольшой?

– Надеюсь, Уолтер, вы пришли в такой час не для того, чтобы оценивать мое наследство?

– Нет, еще раз прошу прощения. Эдриен, мне действительно требуется ваша помощь.

– Если вы намерены снова обсуждать этот нелепый проект с Фондом Уолша, то это пустая трата времени.

– Хотите знать, почему ваши исследования никогда не получали поддержку Академии? Да потому что вы волк-одиночка, потому что вы работаете всегда один и только на себя, потому что вы не можете работать в команде.

– Я в восторге от того, как точно вы меня описали, надо сказать, портрет даже лучше оригинала! Перестаньте наконец лазить по всем шкафам, виски должно быть вон там, рядом с камином, – ведь вы его ищете.

Уолтер неспешно вытащил бутылку, взял с полки два стакана и растянулся на диване.

– Надо же, у вас очень уютно!

– Можно подумать, я вас приглашал!

– Не надо издеваться, Эдриен. Думаете, пришел бы я унижаться перед вами, если бы у меня был иной выход?

– Какое же это унижение? Вы сидите здесь и пьете виски – между прочим, пятнадцатилетней выдержки.

– Эдриен, вы моя последняя надежда. Может, мне упасть перед вами на колени и умолять? – продолжал мой незваный гость.

– А вот этого не надо! Уолтер, ведь у меня нет ни малейшего шанса получить премию. Зачем же вы так стараетесь?

– Разумеется, вам дадут премию, потому что ваш проект – самый увлекательный, самый амбициозный из тех, с которыми я ознакомился за годы работы в Академии.

– Если вы хотите обольстить меня сладкими речами, то лучше отправляйтесь домой, и бутылку можете забрать с собой. Уолтер, мне очень хочется спать.

– Я не собираюсь вам льстить, я действительно внимательно прочел вашу диссертацию. Эдриен, это прекрасная работа, в ней каждое положение документально подтверждено.

Состояние моего коллеги внушало жалость. Таким я его никогда не видел: обычно он держался отстраненно, даже высокомерно. Самое ужасное, что он, похоже, говорил искренне. Последние десять лет я искал в далеких галактиках планету, похожую на нашу, но в Академии мало кто одобрял мою работу. И вдруг такой резкий поворот, такое неприкрытое соглашательство – даже забавно.

– Предположим, я получил и передал Академии эту премию...

Едва я произнес эти слова, как Уолтер сложил руки, словно собирался молиться.

– Уолтер, не пугайте меня. Вы что, пьяны?

– Угу, но это ничего, Эдриен, продолжайте.

– Но вы хоть что-нибудь соображаете? Вы способны отвечать на простые вопросы?

– Ну конечно, только не тяните, задавайте их поскорее.

– Допустим – хоть шансы и ничтожны, – что я получу эту премию и как истинный джентльмен тут же передам ее Академии. Какую часть этой суммы совет выделит на мои исследования?

Уолтер кашлянул.

– Четверть – это будет разумно, как вы полагаете? Кроме того, вам предоставят новый кабинет, у вас будет ассистентка на полный рабочий день, а если пожелаете, то и несколько сотрудников, которых освободят от текущей работы и передадут в ваше полное распоряжение.

– Только не это!

– Хорошо, сотрудников не надо... а как насчет ассистентки?

Я подлил гостю еще виски. Дождь усилился, и никто, достойный называться человеком, не выставил бы Уолтера за порог в такую погоду, а тем более в таком состоянии.

– Эх, пропал так пропал! Принесу вам одеяло, и ночуйте здесь, на диване.

– Я не хочу вас обременять...

– Но вы ведь уже это сделали.

– А что с Фондом?

– Когда конкурс?

– Через два месяца.

– А последний срок подачи заявок?

– Осталось три недели.

– Про ассистентку я подумаю. Но первое, что вам надо сделать, – это открыть дверь моего кабинета. Я потерял ключ.

– Не страшно, зато мой кабинет прямо с утра в вашем полном распоряжении.

– Уолтер, вы втягиваете меня в очень странную историю.

– Это не так. Фонд Уолша всегда давал премии за самые оригинальные проекты. Члены комитета выбирают те работы, которые, как бы это сказать... идут в авангарде.

Последняя фраза в устах Уолтера прозвучала как-то неодобрительно. Но его прижали к стенке, так что я не стал читать ему мораль. Мне следовало принять решение, и как можно скорее. Конечно, вероятность получить премию бесконечно мала, но я был готов на что угодно, лишь бы вернуться на плато Атакама. В таком случае что я теряю?

– Я согласен. Конечно, я рискую выставить себя на посмешище, поэтому у меня есть одно условие: вы пообещаете мне, если мы выиграем, посадить меня на самолет до Сантьяго в течение месяца после великого события.

– Я сам провожу вас в аэропорт, Эдриен, обещаю.

– Ладно, тогда считайте, что сделка состоялась!

Уолтер рывком поднялся с дивана, пошатнулся и рухнул обратно.

– Пожалуй, на сегодня вам хватит. Берите плед, под ним вы ночью не замерзнете. А я пойду спать.

Когда я поднимался вверх, Уолтер окликнул меня:

– Эдриен! Я хотел бы вас спросить: что вы имели в виду, когда сказали: «Пропал так пропал!»

– Вечер пропал, Уолтер, только и всего.

Париж

Кейра уснула в кровати своей сестры. Бутылка хорошего вина, большой поднос с едой, разговоры по душам весь вечер, старый черно-белый фильм по кабельному каналу и наконец последнее вчерашнее воспоминание – чечетка Джина Келли. Разбудил ее яркий дневной свет, и в висках застучало выпитое накануне вино – оно действительно было хорошим или им это только показалось?

– Мы вчера крепко выпили? – спросила Кейра, войдя на кухню.

– Да! – кивнула Жанна, поморщившись. – Я тебе сварила кофе.

Жанна села за стол и уставилась в зеркало на стене: в нем отражались они обе.

– Что ты на меня так смотришь? – спросила Кейра.

– Ничего.

– Ты рассматриваешь меня в зеркало, хотя я сижу напротив тебя. Ты считаешь, это ничего?

– Так ты будто опять на другом конце света. Я уже отвыкла, что ты можешь сидеть рядом. В этом доме повсюду твои фотографии, а одна лежит в ящике стола у меня на работе. Я каждый день на нее смотрю и здороваюсь с тобой. А когда приходится особенно трудно, подолгу с тобой разговариваю, пока до меня наконец не доходит, что это не беседа, а монолог. Почему ты мне никогда не звонишь? Если бы ты звонила, мне бы казалось, что ты не так уж далеко. Черт, ведь я же твоя сестра!

– Слушай, Жанна, я вынуждена тебя прервать. Одно из немногих преимуществ холостяцкой жизни состоит в том, что не приходится принимать участие в семейных сценах. Давай ты не будешь мне их устраивать! В долине Омо нет ни одной телефонной кабины, там не ловят мобильники, только иногда есть спутниковая связь, да и то она работает, когда ей вздумается. Всякий раз, как мне удавалось добраться до Джиммы, я тебе звонила.

– Раз в два месяца?! И какие душевные разговоры мы вели! «У тебя все в порядке? Тебя хорошо слышно. Когда возвращаешься? – Не знаю, возможно, нескоро, раскопки идут полным ходом, а как ты? Как твой Жюль? – Моего Жюля вот уже три года зовут Жеромом, могла бы и запомнить!» С ним я уже рассталась, только не стала тебе говорить, да и зачем? Чтобы услышать еще два-три слова, а потом ты все равно повесила бы трубку?

– Да, Жанна, сестра у тебя дурно воспитанная мерзкая эгоистка, ведь так? Но в этом есть и твоя вина, ведь ты старшая, а она всегда брала с тебя пример.

– Ладно, проехали.

– Конечно, проехали. Я больше не стану участвовать в твоей игре.

– Какой игре?

– Кто сумеет быстрее вызвать у другого чувство вины. Я тут, напротив тебя, не на фото в ящике стола и не в зеркале, так что посмотри на меня и говори со мной.

Жанна поднялась было со стула, но Кейра схватила ее за руку и заставила снова сесть.

– Дура, мне же больно!

– Я палеоантрополог, я не работаю в музее, у меня многие годы не было времени познакомиться с каким-нибудь Пьером, или Антуаном, или Жеромом; у меня нет детей; на меня свалилась редкая удача – заниматься трудным делом, которое я очень люблю, испытывать страсть, в которой нет ничего порочного. Если у тебя жизнь не складывается, не надо бросать мне упреки в лицо, а если тебе правда меня не хватает, найди более приятный способ поставить меня об этом в известность.

– Мне тебя ужасно не хватает, Кейра, – чуть слышно сказала Жанна и вышла из кухни.

Кейра внимательно осмотрела свое отражение в зеркале.

– Я действительно дура, причем таких еще поискать, – пробормотала она.

За тонкой перегородкой, отделявшей кухню от ванной, Жанна, стоя с зубной щеткой в руке, ласково улыбнулась.

Днем Кейра, перейдя набережную Бранли, направилась к сестре в музей. И для начала решила доставить себе удовольствие – осмотреть постоянную экспозицию. Она любовалась одной маской, соображая, откуда ее сюда привезли, и вдруг чей-то голос прошептал ей в самое ухо:

– Это маска малинке. Ее доставили из Мали. Она не очень древняя, зато необычайно красивая.

Кейра вздрогнула от неожиданности и поняла, что это Айвори, тот самый ученый, с которым она познакомилась накануне.

– Боюсь, ваша сестра еще не вернулась с заседания. Я искал ее несколько минут назад, но мне сказали, что она освободится не раньше чем через час.

– Вам «сказали»? То есть вы не знаете этого сотрудника?

– Музей – это целая вселенная, где все отделы подчинены строгой иерархии и у всех свой круг обязанностей. Человек – странный зверь, ему необходимо жить в обществе, и его все время тянет поделить это общество на части. Возможно, в нас говорят пережитки стадного чувства. Создавать пространство для сообщества – хороший способ бороться со страхами. Но я, должно быть, утомил вас своей болтовней. Вы же, наверное, знаете все это не хуже меня, правда?

– А вы забавный тип, – нахально заявила Кейра.

– Весьма вероятно, – расхохотавшись, ответил Айвори. – А не обсудить ли нам все это в саду, за стаканом чего-нибудь прохладительного? Сегодня очень тепло, надо этим воспользоваться.

– И что вы собираетесь обсудить?

– Например, что такое забавный тип. Я бы хотел прояснить это с вашей помощью.

Айвори повел Кейру в кафе, расположенное во внутреннем дворе музея. Днем здесь почти все столики были свободны. Кейра выбрала тот, что стоял подальше от большой каменной головы моаи.

– Вы нашли на берегах Омо что-нибудь заслуживающее внимания? – вновь заговорил Айвори.

– Я нашла там десятилетнего мальчика, который потерял родителей. А что касается археологии, то находок оказалось не так много.

– А что касается ребенка, полагаю, эта находка представляется куда более существенной, нежели ископаемые человеческие останки. Как мне известно, некое скверное природное явление уничтожило результаты вашей работы и заставило покинуть место раскопок.

– Да, буря, и настолько сильная, что она перенесла меня прямо сюда.

– В тех краях такое случается нечасто. Никогда еще шамаль не направлялся к западу.

– Откуда вы все это знаете? Вряд ли газеты посвятили этой буре первую страницу.

– Нет, признаюсь, о ваших злоключениях мне поведала ваша сестра. А потом я просто добрался до своего компьютера и, набив пару слов на клавиатуре, зашел в Интернет, ведь по натуре я очень любопытен, иногда даже слишком.

– И что же мне еще вам рассказать, чтобы удовлетворить ваше любопытство?

– Что на самом деле вы искали в долине Омо?

– Месье Айвори, если бы я вам об этом рассказала, то, исходя из законов статистики, вы скорее подняли бы меня на смех, чем проявили интерес к моей работе.

– Мадемуазель Кейра, если бы я придавал значение законам статистики, то занимался бы математикой, а не антропологией. Так что рассказывайте.

Кейра внимательно посмотрела на собеседника. Его взгляд притягивал и завораживал.

– Я искала предков Тумай и *Ardipithecus kadabba*¹. Бывали дни, когда мне казалось, что я нашла их очень-очень далеких предков.

– И только-то? Вы хотели отыскать самый древний скелет, который можно отнести к роду человеческому? Так сказать, человека нулевого?

– А разве не его мы все ищем? Так зачем мне отказываться от этой мечты?

¹ Тумай – самка *Sahelanthropus tchadensis*, сахелантропа, или прачеловека из Чада. *Ardipithecus kadabba* – ардипитек. Сахелантропы и ардипитеки, древнейшие гоминиды, жили примерно 5–7 млн лет назад. Их останки найдены на Африканском континенте. (Здесь и далее, кроме отмеченных случаев, – прим. перев.)

– А почему именно в долине Омо?

– Возможно, туда привела меня женская интуиция.

– Для охотницы за скелетами – веский аргумент.

– Туше! – улыбнулась Кейра. – В конце двадцатого века мы почти не сомневались, что прародительницей человечества была Люси², женщина, умершая более трех миллионов лет назад. Не мне вам напоминать, что в последнее десятилетие палеонтологи нашли останки гоминид, которым восемь миллионов лет. В научном сообществе различные школы бьются – порой в прямом смысле – за то, чтобы признать тот или иной род предками человека. Для меня не важно, были ли наши предки двуногими или четвероногими. Я не думаю, что сегодня споры о происхождении человеческого рода идут в правильном направлении. Ведь все внимание сосредоточено на механике скелета, на образе жизни и на пище.

Подошла официантка, но Айвори махнул ей, чтобы она их не беспокоила.

– То, что вы говорите, довольно самонадеянно. А что же, по-вашему, определяет происхождение человека?

– Мысль, чувства, разум! От других живых тварей нас отличают не ходьба как способ передвижения и не наши пищевые предпочтения. Мы стараемся узнать, откуда мы взялись, но совершенно не интересуемся тем, какими мы стали: сложноорганизованными хищниками, способными любить, убивать, созидать и разрушать, а также сопротивляться инстинкту самосохранения, управляющему поведением всех остальных животных. Мы одарены высоким интеллектом, постоянно развивающимся знанием, и при этом мы так невежественны. Похоже, нам пора сделать заказ, официантка подходит уже во второй раз.

Айвори попросил принести два чая и наклонился к Кейре:

– Вы мне так и не сказали, почему отправились в долину Омо и что вы на самом деле там искали.

– Кем бы мы ни были – европейцами, азиатами, африканцами, – какого бы цвета ни была наша кожа, мы носим в себе общий ген, одинаковый у всех; нас миллиарды, один не похож на другого, и тем не менее мы исходим от одного существа. Как это существо появилось на Земле? Почему оно здесь появилось? Вот кого я ищу – первого человека! И уже готова поверить, что ему не десять или двадцать миллионов лет, а гораздо больше!

– Вы говорите почти о палеогене³. Это похоже на помешательство!

– Вот видите, я оказалась права, когда ссылаюсь на законы статистики. Теперь уже я утомляю вас своими нелепыми выдумками.

– Я же не говорил, что вы потеряли разум, просто в голове у вас кое-что смешалось.

– Очень деликатно с вашей стороны. А вы сами, Айвори, какие исследования ведете?

– Я уже в таком возрасте, что только делаю вид, будто над чем-то работаю, а остальные делают вид, что ничего не замечают. Я больше не веду никаких исследований. В мои годы обычно приводят в порядок старые папки и не заводят новых. И не делайте такое лицо. Если вам известен мой истинный возраст, то вы, должно быть, заметили, что я неплохо с ним справляюсь. Не спрашивайте, сколько мне лет, это тайна, которую я унесу с собой в могилу.

Теперь уже Кейра склонилась к Айвори, и стал виден треугольный камешек у нее на шее.

– Вы выглядите гораздо моложе!

– Вы очень любезны, но мне это известно. Так вы хотели бы побольше разузнать об этом странном предмете, что висит у вас на шее?

– Я же вам говорила, это подарок маленького мальчика.

² Люси была найдена 30 ноября 1974 года в Хадаре, на берегах реки Аваш. В проекте участвовало около тридцати эфиопских, американских и французских исследователей под руководством Дональда Джохансона, Мориса Тайеба и Ива Коппенса. Найденные останки получили имя «Люси», поскольку ученые целыми днями напевали тогда песенку «Битлз» «Lucy in the Sky with Diamonds». (Прим автора.)

³ Палеоген – первый период кайнозойской эры, начался 65 млн лет назад, закончился 24,6 млн лет назад.

- Но вчера вы упоминали о том, что вам самой любопытно узнать о его происхождении.
- И вправду, почему бы нет?
- Пожалуй, начнем с того, что определим его возраст. Если речь идет о кусочке дерева, то достаточно сделать радиоуглеродный анализ, и все станет ясно.
- Конечно, если предмету не более пятидесяти тысяч лет.
- Думаете, он может оказаться таким древним?
- С тех пор как я познакомилась с вами, я стала очень подозрительной в вопросах возраста.
- Наверное, мне следует воспринимать ваши слова как комплимент, – ответил старый ученый, вставая со стула. – Пойдемте.
- Уж не намекаете ли вы на то, что в подвале музея тайно установили ускоритель частиц?
- Нет, конечно, – рассмеявшись, ответил Айвори.
- Или у вас старый друг работает в Сакле и он готов поставить под удар программу исследований Комиссариата по атомной энергии ради того, чтобы изучить мой кулон?
- Нет, и я об этом весьма сожалею.
- В таком случае куда же вы меня ведете?
- Кейра и Айвори подошли к лифтам. Она открыла рот, намереваясь его еще о чем-то спросить, но он не дал ей говорить.
- Если вы подождете, пока мы устроимся поудобнее, – произнес он строго, не позволив ей вымолвить ни слова, – обещаю, вам не придется задавать бесполезные вопросы.
- Лифт привез их на четвертый этаж.
- Айвори расположился за своим письменным столом, усадив Кейру в кресло. Она тут же вскочила, чтобы посмотреть, что он набирает на клавиатуре компьютера.
- Интернет! С тех пор как я познакомился с этой штуковиной, я на ней просто помешался. Знали бы вы, сколько времени я в нем провожу. Не будь я вдовцом, это хобби убило бы мою жену, вернее, жена меня бы убила. Вы знаете, например, что в Сети теперь не ищут информацию, а, как говорят мои студенты, гуглят. Правда смешно? Обожаю этот новый язык. Больше всего меня забавляет то, что, стоит мне забыть какой-нибудь термин, я его набираю и – оп! – у меня перед глазами определение. Говорю вам, в Сети можно найти все, даже адреса частных лабораторий, где делают радиоуглеродный анализ. Великолепно!
- Сколько вам лет на самом деле, Айвори?
- Кейра, каждый день я придумываю себе новый возраст. Главное – не расслабляться.
- Айвори распечатал список адресов и гордо помахал им перед носом своей гостьи.
- Осталось только сделать несколько звонков и найти тех, кто согласится выполнить нашу просьбу за пристойную цену и в разумные сроки, – заключил он.
- Кейра взглянула на часы.
- Ваша сестра! – вскричал Айвори. – Полагаю, совещание закончилось, и она уже давно освободилась. Идите к ней, а я обо всем позабочусь.
- Нет, я останусь с вами, – запротестовала Кейра, почувствовав себя неловко, – я не могу взвалить на вас всю работу.
- Да идите же, я настаиваю, тем более что эта игра увлекает меня не меньше вашего, может, даже больше. Идите к Жанне, а мы с вами встретимся здесь завтра. К тому времени информации наверняка прибавится.
- Кейра поблагодарила профессора.
- Не согласитесь ли оставить у меня до завтра ваше украшение? Я отделю от него микроскопический кусочек, чтобы отдать на анализ. Обещаю, я буду осторожен как хирург, вы даже ничего не заметите.
- Конечно, но должна вас предупредить: я несколько раз пыталась это сделать, но ничего у меня не получилось, только чуточку поцарапала камешек.

– А имеется ли у вас алмазный инструмент – например, вот такой? – торжествующе спросил Айвори, вытаскивая из ящика стола тонкий резец.

– Айвори, вы просто кладёшь всяких сокровищ! Такого скальпеля у меня нет.

Кейра на секунду заколебалась, но потом сняла подвеску и положила ее на письменный стол Айвори. Тот аккуратно развязал кожаный шнурок и передал его хозяйке, забрав себе камень.

– До завтра, Кейра, приходите в любое время, я буду на месте.

Лондон

– Нет, Эдриен, не годится! От вашего выступления потянет в сон даже безумную публику на концерте AC/DC.

– А откуда там возьмется AC/DC?

– Никого там, разумеется, не будет, просто это единственное название рок-группы, которое я знаю. Незачем комитету Фонда возиться с присуждением премии, лучше просто пристрелить тех, кому придется вас слушать, чтоб зря не мучились.

– Прекрасно, Уолтер, на сей раз я вас понял. Если текст моей речи такой скучный, поищите себе другого оратора.

– Человека, который тоже мечтал бы вернуться в Чили? Извините, но на это у меня нет времени.

Я перевернул страницу тетради и прочистил горло, готовясь продолжить чтение.

– Вот увидите, дальше будет куда интереснее, – сказал я Уолтеру. – Вы не соскучитесь.

Однако едва я приступил к третьей фразе, как Уолтер изобразил раскатистый храп.

– Дивное снотворное! – воскликнул он, приоткрыв правый глаз. – Действует безотказно.

– Я нудный, вы это хотите сказать?

– Вот-вот, нудный, вы нашли верное слово. Ваши волшебные звезды превратились в набор букв и цифр, которые невозможно запомнить. Все эти X321 и ZL254 – что с ними делать членам жюри, как вы думаете? Ведь мы же не персонажи сериала «Звездный путь», бедный мой друг! А расстояние до удаленных галактик вы измеряете в световых годах! Кто знает точно, что такое световой год, я вас спрашиваю? Может, ваша очаровательная соседка? Или ваш зубной врач? Или ваша матушка? Да это просто смешно. От ваших бесконечных цифр делается несварение, и вряд ли кто способен такое пережить.

– И что же вы предлагаете, черт бы вас побрал?! Чтобы я дал имена всем моим созвездиям, как сортам помидоров, лука или картошки, – лишь бы ваша матушка поняла, чем я занимаюсь?

– Вы, конечно, мне не поверите, но она вас читала.

– Ваша мать читала мою диссертацию?

– Именно так!

– Я польщен.

– У нее ужасная бессонница. Никакое лекарство уже не помогало, и тогда меня осенило: принесу-ка я ей сброшюрованный экземпляр вашей работы. Вам надо срочно писать продолжение, а то она скоро дочитает.

– Да что вам от меня надо, в конце концов?!

– Чтобы вы рассказали о ваших исследованиях простыми словами, доступными нормальному человеку. Это маниакальное пристрастие к ученым словам вызывает только раздражение. Вспомните, например, медиков. К чему вся эта тарабарщина? Разве мало просто чем-то болеть? Зачем нам рассказывают про дисплазию тазобедренного сустава, может, сойдет и «деформация»?

– Сожалею, я не знал, что ваши кости причиняют вам столько беспокойства, дорогой Уолтер.

- Ладно, не надо сожалеть, я говорил не о себе. Эта пресловутая дисплазия у моей собаки.
- У вас есть собака?

– Да, чудесный джек-рассел-терьер. Он сейчас у моей матери. Если она прочитала ему вслух последние страницы вашей диссертации, значит, оба они уже спят как убитые.

У меня возникло жгучее желание придушить Уолтера, однако я повел себя как трус и только метнул в него презрительный взгляд. Его терпение выводило меня из себя, как, впрочем, и его упорство. Не знаю, как это вышло, но мой язык вдруг сам собой развязался, и впервые с того давнего дня я произнес заветные слова: «Где начинается рассвет?..»

Уже светало, но Уолтер и не думал засыпать.

Париж

Кейра совсем измучилась, но сон все не шел. Боясь разбудить сестру, она перебралась из спальни в гостиную и улеглась на диван. Сколько раз она проклинала свою жесткую походную кровать? А теперь так по ней скучает! Она снова встала и подошла к окну. Никакого ночного неба, усыпанного звездами, только вереница уличных фонарей, освещающих пустынную улицу. В Париже пять часов утра, а в долине Омо, в пяти тысячах восьмистах километрах отсюда, уже давно рассвело, и Кейра попыталась представить себе, чем сейчас занимается Гарри. Вернувшись на диван, она еще немного поворочалась и, запутавшись в собственных мыслях, наконец уснула.

Звонок профессора безжалостно вырвал ее из утренних снов.

- У меня для вас две новости.
- Начните с той, что похуже! – потребовала Кейра, потягиваясь.
- Вы оказались правы: даже с помощью того алмазного инструмента, которым я перед вами хвастал, мне не удалось отделить ни малейшего кусочка от вашего украшения.
- Я вас предупреждала. А хорошая новость?
- Одна лаборатория в Германии может выполнить наш заказ в течение недели.
- Это, наверное, обойдется недешево?
- Не берите в голову, пусть это будет моим вкладом в наше общее дело.
- Об этом не может быть и речи, Айвори, да и с какой стати?
- Господи, ну почему нужно обязательно искать всему причину? Радость открытия – достаточно веский довод? А вам, значит, подавай причину! Ну так слушайте: ваш таинственный камешек не давал мне уснуть до самого утра, а поверьте, для старика, который весь день зевает от скуки, это дорогого стоит, куда больше, чем какая-то мелочь, которую просит лаборатория.

– Тогда пополам – или никак!

– Ладно, пополам. Вы не против, если я сам отошлю им ваше сокровище? Придется вам с ним на время расстаться.

Вопрос профессора застал Кейру врасплох, она привыкла, что кулон всегда висит у нее на шее, и ей стало не по себе, однако профессор пылал таким энтузиазмом, так радовался возможности открыть новую тайну, что она не решилась пойти на попятную.

– Думаю, я смогу его вам вернуть уже в среду. Отошлю его в лабораторию курьерской почтой. А тем временем обложусь старыми книгами и попытаюсь отыскать изображение, хоть сколько-нибудь напоминающее наш объект.

- Вы уверены, что хлопоты, которые вы взвалили на себя, не напрасны? – спросила Кейра.
- О каких хлопотах вы говорите? Мне это доставляет радость. А сейчас я должен вас покинуть, меня ждет работа, и все благодаря вам!
- Спасибо вам, Айвори! – сказала Кейра и положила трубку.

Прошла неделя. Кейра постепенно налаживала отношения с коллегами и друзьями, с которыми давно не общалась. Каждый вечер она ужинала с кем-нибудь в маленьком парижском ресторанчике или в квартире своей сестры. Разговоры крутились вокруг одних и тех же тем, совершенно не интересовавших Кейру, и ей всякий раз делалось скучно. Однажды, после ужина, где все говорили больше обычного, Жанна даже упрекнула Кейру за рассеянность.

– Если эти встречи тебе так осточертели, зачем ты на них ходишь? – сурово отчитывала ее Жанна.

– Да не осточертели они мне вовсе!

– Когда ты окончательно заскучаешь, предупреди, я заранее подготовлюсь к спектаклю. За столом ты была похожа на моржа, под которым провалился лед.

– Жанна, а как ты сама умудряешься выносить подобные разговоры?

– Это называется «общаться».

– Общаться? – рассмеялась Кейра и подозвала такси. – Тот тип, что нахватал общих мест из всех газет и толкал бесконечную речь о кризисе, – он с нами общался? Как и его сосед, который с таким смаком вещал о спортивных достижениях, словно обезьяна, дорвавшаяся до бананов. А может, говоря об общении, ты имеешь в виду ту девчонку-психоаналитика, которая сыпала банальными фразами о супружеской неверности? Или адвоката с его двадцатиминутным выступлением на тему роста преступности в городах, – а как иначе, ведь у него скутер сперли. Три часа неприкрытого цинизма! Теории и контртеории человеческого отчаяния – сколько пафоса!

– Ты не любишь людей, Кейра! – констатировала Жанна, когда такси высадило их у ее дома.

Их спор завершился уже глубокой ночью. Несмотря ни на что, на завтра Кейра отправилась вместе с сестрой на очередную вечеринку. Наверное, потому, что одиночество, сопровождавшее ее в последние годы, причиняло ей страдание, хотя она в этом ни за что бы не призналась.

В один из выходных дней Кейра, пробегая через сад Тюильри и ища спасения от надвигающегося ливня, встретила Макса. Оба мчались по центральной аллее к входу со стороны улицы Кастильоне. Запыхавшись, Макс остановился перед лестницей, у подножия скульптурной группы с тиграми и носорогом; Кейра нашла приют поблизости, около льва и львицы, терзающих кабана⁴.

– Макс, это ты?

Статный красавец Макс страдал чудовищной близорукостью и даже в очках с толстыми линзами видел все словно в тумане, однако голос Кейры он узнал бы среди сотни других.

– Как, ты в Париже? – удивленно спросил он, протирая очки.

– Да, как видишь.

– Вот теперь вижу! – воскликнул он, водружая очки на нос. – Ты останешься надолго?

– В саду? Думаю, на полчаса, – ответила она, смутившись.

Макс внимательно посмотрел на нее.

– Я уже несколько дней в Париже, – вздохнув, пробормотала она.

Раскатистое ворчание грома заставило их продолжить путь и поискать убежища под аркадами на улице Риволи. Они едва успели: начался настоящий потоп.

– Ты не собиралась мне позвонить? – спросил Макс.

– Конечно, собиралась.

– И почему же не позвонила? Прости, я вываливаю на тебя кучу глупых вопросов. Если бы ты хотела со мной встретиться, ты бы позвонила.

⁴ Имеются в виду работы французского скульптора-анималиста Огюста Николя Кена (1822–1894).

– Я не могла сообразить, что тебе сказать.

– Тогда ты права. Следовало подождать, пока провидение не приведет нас на эту аллею...

– Я рада тебя видеть, – перебила его Кейра.

– Я тоже рад тебя видеть.

Макс предложил выпить по стаканчику в баре отеля «Мерис».

– Так ты надолго в Париж? Ну вот, опять я засыпаю тебя вопросами.

– Не страшно, – успокоила его Кейра. – Я провела шесть вечеров подряд, слушая разговоры о политике, забастовках, сделках и разные сплетни. Никто никем не интересовался, и я в конце концов почувствовала себя невидимкой. Вот если бы я, не отходя от стола, повесилась на салфетке, может, кто-то и спросил бы, как у меня дела, и даже дождался ответа.

– Как у тебя дела?

– Как у льва, запертого в клетке.

– И сколько ты уже сидишь в этой клетке? Неделю или больше?

– Чуть-чуть побольше.

– Ты останешься или снова уедешь?

Кейра рассказала Максу о своих приключениях в Эфиопии и о том, почему пришлось вернуться. Надежда найти деньги на новую экспедицию представлялась ей слишком туманной. В восемь часов она, ненадолго исчезнув, позвонила Жанне и предупредила, что придет поздно.

Они с Максом поужинали в «Мерисе». Каждый рассказал, как жил в те годы, что они не виделись. Вскоре после отъезда Кейры и их расставания Макс оставил свою должность преподавателя археологии в Сорбонне и стал управлять типографией своего отца: тот скончался от рака больше года назад.

– Так теперь ты директор типографии?

– Лучше бы ты сказала: «Мне жаль, что твоего отца не стало»! – улыбнувшись, заметил Макс.

– Милый мой Макс, ты же хорошо меня знаешь, я всегда говорю не то. Мне действительно жаль, что твоего папы больше нет... Только, мне помнится, вы не очень-то ладили.

– В конце концов мы помирились... в больнице Вильжюиф.

– А зачем ты бросил преподавание? Ты же обожал свое дело.

– В основном я обожал те оправдания, к которым оно позволяло мне прибегать.

– При чем здесь оправдания? Ты же отличный преподаватель.

– Я не похож на тебя и никогда не питал к своей работе такой любви, которая гнала бы меня на край света.

– А типография, она тебе больше по душе?

– По крайней мере, я смотрю правде в глаза. Я больше не стремлюсь совершить нечто грандиозное – например, сделать величайшее открытие века. Хватит с меня этих небылиц. Я был кабинетным археологом, способным лишь зачаровывать студентов красивыми сказками.

– Кстати, не забудь добавить, что я из их числа! – насмешливо сказала Кейра.

– Ты от всех отличалась и прекрасно это знаешь. Я авантюрист из парижских предместий. Теперь я хотя бы научился рассуждать здраво. А ты-то нашла, что искала?

– Если ты о моих раскопках, то нет, только несколько пластов, которые показали, что я на правильном пути, что я не ошиблась. Зато теперь я точно знаю, какая жизнь мне нравится, и это самое главное мое открытие.

– Значит, ты скоро уедешь...

– Откровенность за откровенность, Макс. Я с удовольствием проведу с тобой эту ночь, да и завтрашнюю тоже. Но в понедельник я захочу остаться в одиночестве, и во вторник, и в следующие дни. Как только у меня появится возможность уехать, я немедленно уеду. Когда? Этого я не знаю. А пока мне надо найти работу.

– Прежде чем предложить мне переспать с тобой, ты бы хоть поинтересовалась, есть ли у меня кто-нибудь.

– Если бы кто-то был, ты бы давно бросился ей звонить, уже первый час ночи.

– Да, если бы кто-то был, я бы не ужинал сейчас с тобой. А по поводу работы есть какие-нибудь варианты?

– Пока нет, у меня не очень много знакомых среди людей моей профессии.

– Да я за две минуты нацарапаю на этой салфетке список тех, кто будет счастлив принять в свою команду такого человека, как ты.

– Не хочу никому помогать делать открытия. Я несколько лет стажировалась у других, теперь хочу вести собственный проект.

– А между делом не желаешь потрудиться в типографии?

– О годах, проведенных рядом с тобой в Сорбонне, у меня сохранились самые теплые воспоминания, но мне тогда было только двадцать два. Возвращаться к прошлому – это не по мне. Кроме того, работа у печатного станка не вызывает у меня восторга. Да и вообще это не самая удачная идея, – заявила Кейра, улыбнувшись. – Но все равно спасибо за предложение.

Рано утром, выйдя в гостиную, Жанна обнаружила, что диван пуст. Она взглянула на экран мобильного телефона: сестра не оставила ей сообщения.

Лондон

Роковая дата, когда истекал срок подачи работ на конкурс Фонда Уолша, приближалась. А выступление должно было состояться меньше чем через два месяца. По утрам я сидел дома, общаясь по Интернету с коллегами во всех концах света и отвечая на электронные письма, прежде всего на те, что приходили от коллег из Атакамы. Уолтер заходил за мной около полудня, и мы отправлялись в паб, где я докладывал ему о ходе работы. Послеобеденное время мы проводили в большой библиотеке Академии: я кое-что уточнял по книгам, читанным уже много раз, а Уолтер просматривал мои записи. По вечерам я иногда выходил проветриться и гулял в районе Примроуз-Хилл, а по выходным удирал от всех и бродил по рядам блошиного рынка в Кемдэн-Лок. День за днем я все больше втягивался в лондонскую жизнь, заново привыкая к улицам родного города, и даже к Уолтеру начал испытывать некие дружеские чувства.

Париж

Айвори получил результаты из лаборатории в Дортмунде. Он записал отчет об анализе, который продиктовал его немецкий собеседник, и попросил его переслать предмет исследования в другую лабораторию, расположенную на окраине Лос-Анджелеса. Положив трубку, он некоторое время раздумывал, потом сделал еще один звонок, на сей раз по мобильному телефону. Пришлось подождать, прежде чем ему ответили:

– Сколько лет, сколько зим!

– Раньше не было причины для разговора, – заявил Айвори. – Я вам только что отослал электронное письмо, прочтите его как можно скорее. У меня есть все основания полагать, что вы захотите со мной связаться.

Айвори закончил разговор и посмотрел на часы. Общение длилось не более сорока секунд. Он вышел из кабинета, запер дверь и спустился на первый этаж. Воспользовавшись тем, что вестибюль музея заполнила толпа студентов, он незаметно выскользнул из здания.

Прошагав по набережной Бранли, он перешел на другой берег Сены, откинул крышку мобильного, вытащил сим-карту и швырнул телефон в реку. Затем направился к пивному ресторану на площади Альма, спустился по лестнице в подвал, зашел в телефонную кабинку и стал ждать. Вскоре раздался звонок.

– Как этот предмет попал к вам в руки?

– Величайшие открытия – чаще всего результат случайности, которую кто-то зовет судьбой, а кто-то – везением.

– Кто вам его передал?

– Это не столь важно, к тому же я предпочел бы сохранить это в тайне.

– Айвори, вы возвращаетесь к тому делу, о котором многие годы никто не вспоминал, но присланный вами отчет не слишком убедителен.

– Тогда незачем было так спешно мне звонить.

– Чего вы хотите?

– Я переправил предмет для дополнительных исследований в Калифорнию, только нужно, чтобы они прислали счет за работу непосредственно вам. Этого я сам сделать не смогу.

– А владелец предмета в курсе дела?

– Нет, он даже не подозревает, о чем идет речь, и разумеется, я не намерен ничего ему объяснять.

– Когда, по вашему мнению, мы получим новую информацию?

– На днях мне должны прислать результаты первого исследования.

– перезвоните мне, если сочтете, что есть что-то интересное, и пришлите счет, я его оплачу. До свидания, Айвори.

Профессор повесил трубку и еще немного постоял в кабине, размышляя, правильное ли решение он принял. Оплатил звонок, подойдя к стойке, и отправился обратно в музей.

Кейра постучала в дверь кабинета. Никто не отозвался, и она спустилась вниз, к информационной стойке, спросить, где профессор. Но ей ответили, что никто его не видел. Может, он зашел в кафе? Кейра оглядела садик во внутреннем дворе. Ее сестра, обедавшая в компании своего коллеги, поднялась и пошла ей навстречу.

– Могла бы позвонить, что придешь.

– Да, могла бы. Ты не видела Айвори? Никак его не найду.

– Я говорила с ним сегодня утром, но я ведь не слежу за ним с утра до ночи, да и музей для этого слишком велик. Тебя не было два дня, куда ты исчезла?

– Жанна, тебя ждет человек, с которым ты обедаешь. Может, ненадолго отложишь допрос?

– Я беспокоилась, вот и все.

– Ну посмотри, я в добром здравии, и тебе не о чем волноваться.

– Ты поужинаешь со мной сегодня?

– Пока не знаю, ведь сейчас только полдень.

– Куда ты так торопишься?

– Айвори написал мне эсэмэску, просил прийти к нему, но его нет на месте.

– Значит, он где-нибудь еще, я же тебе говорила, музей очень большой. Наверное, Айвори на другом этаже. У тебя к нему срочное дело?

– Кажется, твой приятель уже доедает твой десерт.

Жанна покосилась на своего коллегу, который терпеливо ждал ее, листая журнал. Когда она обернулась, ее сестры уже и след простыл.

Кейра прошла по второму этажу, потом по третьему, затем, охваченная сомнениями, повернула назад и снова подошла к кабинету Айвори. Дверь была открыта, профессор восседал в своем кресле. Он поднял голову:

– А вот и вы. Как это мило, что вы пришли.

– Я сюда уже поднималась, потом искала вас повсюду, но нигде не нашла.

– Надеюсь, вы не заходили в мужской туалет?

– Нет, – смущенно ответила Кейра.

– В таком случае это все объясняет. Устраивайтесь поудобнее, у меня есть новости для вас.

Радиоуглеродный анализ ничего не выявил: либо подарку Гарри больше пятидесяти тысяч лет, либо предмет имеет неорганическую природу, а значит, это не кусочек эбенового дерева.

– Когда нам его вернут? – поинтересовалась Кейра.

– Лаборатория обещала отправить его завтра, так что дня через два вы снова сможете надеть его на шею.

– Тогда скажите мне, сколько я вам должна. Вы ведь помните, мы договорились, что платим пополам.

– Поскольку результаты довольно туманны, лаборатория с нас ничего не возьмет. А расходы по пересылке составят примерно сотню евро.

Кейра выложила половину этой суммы на письменный стол профессора.

– Так что тайну мы не раскрыли. Может, это просто камень вулканического происхождения? – вновь заговорила она.

– Такой гладкий и шелковистый на ощупь? Сомневаюсь, к тому же ископаемые кусочки лавы довольно хрупки и имеют пористую структуру.

– Значит, пусть это будет просто кулон.

– Думаю, это мудрое решение. Я позвоню вам, как только мне вернут вашу вещицу.

Кейра вышла от Айвори и подумала, что надо зайти к сестре.

– Почему ты не сказала мне, что виделась с Максом? – спросила Жанна, едва Кейра переступила порог ее кабинета.

– Поскольку ты и так уже все знаешь, почему я должна об этом сообщать?

– Вы снова будете встречаться?

– Мы провели вместе вечер, а потом я отправилась к себе спать, если ты именно это хочешь узнать.

– И на все воскресенье осталась одна в своей квартирке?

– Я вообще с ним столкнулась случайно, и мы пошли погулять. А откуда тебе стало известно, что мы виделись? Он что, звонил тебе?

– Макс, с его-то самолюбием? Ты шутишь. После того как ты уехала, он не подавал признаков жизни, мне даже кажется, он запретил себе бывать на тех вечеринках, где мог встретить меня. Мы ни разу с ним не говорили после вашего расставания.

– Так откуда ты узнала?

– Одна моя подруга видела вас в отеле «Мерис», говорит, вы ворковали, как тайные любовники.

– Париж – очень маленький город! Так вот, мы не любовники. Просто старые знакомые, у которых нашлось время посидеть и поспорить. Не знаю, кто эта твоя болтливая подруга, но я ее ненавижу.

– Это кузина Макса, она тебя любит еще меньше, чем ты ее. А могу я спросить, что вы с Айвори затеяли?

– Мне очень нравится общаться с профессорами, и ты это прекрасно знаешь. Разве нет?

– Что-то я не припомню, чтобы Айвори когда-нибудь преподавал.

– Ты утомляешь меня своими вопросами, Жанна.

– Ну, если я тебя утомляю, то не стану говорить, что утром тебе принесли цветы. Карточка, которая прилагалась к букету, лежит у меня в сумке, но это, конечно, тебе совсем не интересно.

Кейра схватила крохотный конверт, раскрыла его и вытащила визитную карточку. Улыбнулась и сунула записку в карман.

– Я не смогу поужинать с тобой сегодня, Жанна. Так что оставляю тебя на милость твоих благонамеренных друзей.

– Кейра, будь осторожнее с Максом, ему понадобился не один месяц, чтобы собраться с силами и перевернуть страницу. Не стоит бередить старые раны, а вдруг ты скоро опять уедешь?

– Да, это было сильно: прочесть краткую лекцию о морали и в середине ее незаметно задать самый больной вопрос. В данном случае, должна отметить, ты блестяще сыграла роль старшей сестры. Макс на пятнадцать лет старше меня. Как ты думаешь, он способен сам управлять своей жизнью и своими чувствами или, может быть, следует предложить ему твои услуги? Сестра подлой потаскушки в качестве наставницы – лучше не придумать, ведь правда?

– За что ты меня так ненавидишь?

– Потому что ты все время судишь других.

– Ладно, Кейра, иди развлекайся, у меня много работы. Все правильно, ты не в том возрасте, когда слушают старшую сестру. Впрочем, ты никогда не следовала моим советам. А сейчас постарайся хотя бы не растерзать Макса в клочья, как в прошлый раз, это будет скверно и не пойдет на пользу твоей репутации.

– А что, у меня имеется репутация?

– После твоего отъезда люди распустили языки и высказывались на твой счет крайне нелестно.

– Знала бы ты, до какой степени мне плевать на этих сплетников, я уехала слишком далеко, чтобы их слышать.

– Ты – возможно, а вот я – нет, и я как могла защищала тебя.

– Что они всюду суют свой нос, эти людишки из твоего «круга общения»? И кто же эти добрые друзья, которые чешут языком, копаются в грязном белье и обливают других помоями?

– Полагаю, те, кто утешал Макса. И вот еще, напоследок. Если тебе вздумается спросить, доводила ли ты меня в детстве до ручки, отвечаю сразу: да.

Кейра вышла из кабинета Жанны, хлопнув дверью. Через пару минут она уже шагала по набережной Бранли к мосту Альма. Перейдя на другой берег реки, она облокотилась на парапет и стала наблюдать, как баржа неспешно подходит к пешеходному мосту Дебилли. Кейра взяла мобильник и позвонила Жанне.

– Давай не будем ссориться при каждой встрече. Я приду к тебе завтра, и мы пойдем обедать – вдвоем, ты и я. Я тебе все расскажу о моих приключениях в Эфиопии, хотя вроде уже нечего добавить. А ты мне подробно расскажешь о том, как жила все это время, пока меня не было. Я готова еще раз выслушать твои объяснения, почему ты все-таки рассталась со своим Жеромом. Ведь его звали Жером, да?

Лондон

Уолтер ничего мне не говорил, но я видел, что он с каждым днем все больше приходит в отчаяние. Объяснить ему суть моей работы было так же нереально, как за неделю обучить китайскому языку. Астрономия и космология изучают такие огромные пространства, что привычные нам единицы измерения времени, скорости, расстояния в этих науках неприменимы. Пришлось придумать другие, многозначные, вычисляемые при помощи сложнейших уравнений. В нашей науке одни лишь неопределенности и вероятности, потому что мы идем вперед на ощупь и, будучи частичкой нашей Вселенной, неспособны даже вообразить ее истинные размеры.

Каждая фраза моего доклада заставляла Уолтера морщиться: то смысл какого-то термина казался ему туманным, то рассуждения выходили за пределы его понимания. Так продолжалось две недели кряду.

– Уолтер, давайте решим раз и навсегда: Вселенная ровная и плоская или она искривляется?

– Искривляется... наверное. Ну, если я правильно понял ваши слова, Вселенная, скорее всего, находится в вечном движении, она увеличивается в размерах, словно ткань, которую растягивают, увлекая за собой галактики, прикрепленные к ее нитям.

– Немного упрощенно, но в целом именно так можно сформулировать теорию расширяющейся Вселенной.

Уолтер уронил голову на руки. В этот довольно поздний вечерний час зал академической библиотеки уже опустел. Только над нашими столами горели лампы.

– Эдриен, я, конечно, всего лишь скромный управленец, но я каждый день провожу в стенах Академии и общаюсь с учеными. И все же не понимаю ничего из того, о чем вы говорите.

Я заметил на одном из столов журнал, который кто-то из читателей забыл положить обратно на полку. На обложке красовался чудесный пейзаж Девоншира.

– Думаю, Уолтер, я знаю, как прояснить ваши мысли, – сказал я.

– Я вас слушаю.

– Вы меня уже достаточно наслушались, кажется, я нашел способ втолковать вам основные понятия науки о космосе. Настало время перейти от теории к практике. Следуйте за мной!

Я подхватил моего неизменного спутника под руку, и мы с ним, шагая в ногу, пересекли просторный холл библиотеки. Очутившись на улице, мы спешно поймали такси, и я приказал водителю как можно быстрее везти нас ко мне домой. Мы приехали, и я потащил Уолтера не к входной двери, а к маленькой пристройке.

– Это что, подпольный игорный зал, скрытый за железным занавесом? – насмешливо спросил Уолтер.

– Жаль вас разочаровывать, но это всего лишь гараж, – ответил я, поднимая металлические ворота.

Уолтер заглянул внутрь и присвистнул. Моя старенькая MG⁵ выпуска 1962 года, конечно, в чем-то уступала современным городским автомобилям, но неизменно вызывала бурную реакцию зрителей.

– Мы едем на прогулку? – спросил восхищенный Уолтер.

– Если она пожелает завестись, – ответил я, вставляя ключ в замок зажигания.

Я несколько раз легонько надавил на педаль газа, и двигатель завелся с полоборота, довольно заурчав.

– Садитесь. И не ищите ремень безопасности – его здесь нет.

Минут через тридцать мы выехали за пределы города.

– Куда мы едем? – поинтересовался Уолтер, старательно приглаживая непокорную прядку волос надо лбом – единственную, которая еще уцелела.

– На берег моря, мы будем там через три часа.

Мы ехали быстро, над нами расстилалось звездное небо, а я думал о плато Атакама, куда меня по-прежнему тянуло, и о том, что там мне очень не хватало Лондона, хотя я этого тогда не понимал.

– Как вы сумели сохранить в таком отличном состоянии это чудо? Ведь вы уезжали на три года, а она стояла в гараже.

– Я оставил ее у знакомого автомеханика и на днях забрал.

– Он хорошо о ней заботился, – продолжал Уолтер. – У вас в бардачке не найдется ножиц?

– Нет, а зачем вам?

⁵ MG (Morris Garages) Car Company (ныне MG Rover) – английская компания, выпускающая автомобили с 1910 года. Машины этой марки всегда отличались элегантным дизайном и спортивным характером.

– Да так, ни за чем, – сказал он, проводя рукой по волосам.

В полночь мы миновали Кембридж, а два часа спустя прибыли на место. Я остановил MG на краю пляжа в Шерингеме, пригласил Уолтера пойти на берег моря и усадил рядом с собой на песок.

– Мы проделали такой путь, чтобы делать куличики? – спросил он.

– Если душа просит, я не имею ничего против. Однако цель нашей поездки иная.

– Жаль!

– Что вы видите, Уолтер?

– Песок.

– Поднимите глаза и скажите мне, что вы видите.

– Море. А что еще я должен видеть, сидя на берегу?

– А что вы видите на горизонте?

– Абсолютно ничего, ведь сейчас ночь и очень темно.

– И вы не видите свет маяка в Кристиансанде, у самого входа в порт?

– А где-то здесь есть остров? Я что-то не припоминаю.

– Кристиансанд находится в Норвегии, Уолтер.

– Вы такой смешной, Эдриен! Даже при моем хорошем зрении вряд ли можно увидеть норвежские берега! Может, вы еще попросите меня рассмотреть, какого цвета помпон на берете у служителя вашего маяка?

– Кристиансанд всего в семистах тридцати километрах от нас. Сейчас глубокая ночь, свет перемещается со скоростью 299 792 километра в секунду, так что свету маяка хватило бы всего две с половиной тысячных секунды, чтобы достичь нашего берега.

– Особенно приятно, что вы не забыли про половину тысячной доли секунды, а то бы я потерял нить ваших рассуждений!

– Итак, вы утверждаете, что не видите свет маяка в Кристиансанде?

– А вы видите? – с тревогой спросил Уолтер.

– Нет, его никто не может отсюда увидеть. И все же он там, прямо напротив нас, спря-
танный за изгибом земной поверхности, как за невидимым холмом.

– Эдриен, мне кажется, вы сейчас пытаетесь мне объяснить, что мы проехали три сотни километров, дабы воочию убедиться в невозможности разглядеть маяк в норвежском городе Кристиансанде с восточного побережья нашей милой Англии. Если это так, то вам следовало просто рассказать мне об этом, не выходя из библиотеки, – клянусь, я поверил бы вам на слово.

– Вы спрашивали меня, почему так важно понять, что Вселенная искривляется. Ответ перед вами, Уолтер. Если бы на поверхности моря плавали мириады светоотражающих предметов, вы бы увидели, что все они светятся, отражая лучи маяка в Кристиансанде, притом что сам маяк нам не виден. Приложив старание, вы произвели бы нужные расчеты, догадались о его существовании и вскоре точно определили бы его местонахождение.

Уолтер посмотрел на меня так, будто у него на глазах со мной случился приступ безумия. Он сначала сидел разинув рот, потом растянулся на спине и стал созерцать небесный свод.

– Превосходно! – выдохнул он, вволю насмотревшись на звезды. – Я правильно понял: звезды у нас над головой – это те, что находятся с нашей стороны холма? А та, что вы ищете, расположена на другом, невидимом для нас склоне?

– Мы не можем быть до конца уверены, что холм этот – единственный, вот в чем дело, Уолтер.

– Вы намекаете на то, что наша Вселенная – не просто кривая, а нечто вроде аккордеона?

– Или она похожа на океан, по которому бегут волны.

Уолтер подложил руки под голову и замолк на несколько минут.

– И сколько же звезд у нас над головой? – спросил он, и голос у него был словно у зачарованного ребенка.

– На этом небе, таком, каким вы его видите, пять тысяч звезд, расположенных ближе всего к нам.

– Их действительно так много? – мечтательно спросил Уолтер.

– Их гораздо больше, но наши глаза в состоянии различить только те звезды, что удалены от нас не более чем на тысячу световых лет.

– Надо же, какое у меня хорошее зрение, я даже не догадывался! Подружке того парня, который работает на маяке в Кристиансанде, лучше не разгуливать перед окном нагишом, а то я увижу.

– Дело не в том, насколько остро ваше зрение, Уолтер. Сотни миллиардов звезд нашей галактики скрывает от нас облако космической пыли.

– Так у нас над головой сотни миллиардов звезд?

– Боюсь, у вас начнется головокружение, когда я сообщу вам, что во Вселенной сотни миллиардов галактик. Наш Млечный Путь – всего лишь одна из них, и в каждой – сотни миллиардов звезд.

– Постичь это невозможно.

– Тогда включите воображение: пересчитав все песчинки на планете, мы получили бы число, вероятно соответствующее количеству звезд в нашей Вселенной.

Уолтер снова сел и, ухватив горсть песка, дал песчинкам медленно просочиться между пальцами. Мы оба смотрели на небо, как мальчишки, околдованные грандиозностью этого бездонного пространства, и только шепот волн нарушал тишину.

– Думаете, где-то там есть жизнь? – спросил Уолтер серьезно.

– Среди ста миллиардов галактик, в каждой из которых сто миллиардов звезд и почти столько же солнечных систем? Вероятность того, что мы во Вселенной одни, почти равна нулю. Я не очень-то верю в маленьких зеленых человечков. Жизнь, конечно, существует, вот только каковы ее формы? Они могут быть любыми – от простой бактерии до сложных существ, поднявшихся гораздо выше нас по ступеням эволюции. Кто знает?

– Я вам завидую, Эдриен.

– Вы завидуете мне? Может, это звездное небо внушило вам мечты о моем чилийском плато – ведь я вам уши прожужжал, рассказывая о нем?

– Нет, я завидую вашим мечтам. Вся моя жизнь состоит из столбиков цифр, мелочной экономии, расходов, урезанных там и сям, а вы управляете немислимыми числами, от которых мой настольный калькулятор, наверное, взорвался бы, и эти числа, стремящиеся к бесконечности, по-прежнему оживляют ваши детские мечты. Потому я вам и завидую. Я счастлив, что мы приехали сюда. И не важно, получим мы эту премию или нет, сегодня я уже могу сказать, что выиграл. Послушайте, а вы не знаете какое-нибудь приятное место, куда мы могли бы отправиться на выходные, чтобы вы прочли мне курс лекций по астрономии?

Мы так и лежали на песке, подложив руки под голову, пока над пляжем Шерингема не забрезжил рассвет.

Париж

Сестры с грехом пополам помирились за обедом, который растянулся почти на всю вторую половину дня. Жанна согласилась рассказать про свое расставание с Жеромом. Однажды во время ужина у знакомых Жанна обратила внимание на то, как ее друг увивается вокруг своей соседки по столу, и у нее открылись глаза. На обратном пути она произнесла короткую фразу, имеющую глубокий смысл: «Нам надо поговорить».

Жером напрочь отрицал, что ему понравилась эта женщина, даже имени которой он не мог вспомнить. Проблема заключалась вовсе не в этом, Жанна хотела, чтобы Жером смотрел влюбленным взглядом на нее, а не на других, однако он за весь вечер вообще ни разу на нее не

взглянул. Их объяснение продолжалось всю ночь, а утром они расстались. Месяц спустя Жанна узнала, что Жером переехал к той женщине, что сидела рядом с ним за столом в тот вечер. С тех пор Жанна часто размышляла о том, что порой люди сами торопят судьбу и толкают ее к переменам.

Она устроила Кейре допрос, требуя открыть ее намерения относительно Макса. Та решительно заявила, что никаких намерений нет и в помине.

Три года в Эфиопии приучили ее к мысли, что плыть по течению жизни, не делая наперед никаких прикидок и расчетов, – это не так уж плохо. Кейра больше всего любила свободу и не желала меняться.

Во время обеда ее мобильник буквально разрывался. Может, это звонил Макс, который хотел встретиться. Телефон все трезвонил, и Кейра наконец не выдержала и ответила. И услышала голос Айвори:

– Надеюсь, я не оторвал вас от дел.

– Нет, конечно, – сказала она.

– Отсылая назад ваш кулон, лаборатория перепутала адрес, и посылка вернулась обратно. Они сейчас же отправят ее сюда. Мне крайне неловко, но боюсь, вы получите вашу драгоценность не ранее понедельника. Надеюсь, вы на меня не в обиде?

– Разумеется, нет, вы ведь тут ни при чем. Наоборот, мне очень жаль, что вы из-за меня потеряли столько времени.

– Не стоит, это меня развлекло, пусть даже наши изыскания закончились ничем. Мне должны доставить камень в понедельник днем, так что приходите ко мне на работу, и я приглашу вас на обед, чтобы загладить мою невольную вину.

Закончив разговор, Айвори сложил отчет лаборатории в Лос-Анджелесе, полученный час назад с курьерской почтой, и аккуратно положил его в карман пиджака.

Сидя на заднем сиденье такси, которое везло его к эспланаде у Эйфелевой башни, он осмотрел свои руки, покрытые коричневыми пятнышками, и грустно вздохнул:

– И надо тебе в твоём-то возрасте ввязываться в подобные дела? Ты даже не дождеешься финала. И вообще, кому это нужно?

– Что вы сказали, месье? – спросил водитель, взглянув на пассажира в зеркало заднего вида.

– Простите, кажется, я говорил сам с собой.

– О, не извиняйтесь. Такое случается сплошь и рядом. В прежние времена мы всегда беседовали с пассажирами, а теперь они предпочитают, чтобы их не беспокоили. Вот мы и включаем радио – так вроде с кем-то общаешься.

– Что ж, если хотите, можете включить приемник, – заключил Айвори, улыбнувшись шоферу.

В очереди на лифт стояло не более двух десятков человек.

Айвори вошел в ресторан на втором этаже. Он окинул взглядом зал, жестом показал женщине-администратору, что его знакомый уже на месте, и направился к столику, где его ждал человек в темно-синем костюме.

– Почему вы не переслали результаты прямо в Чикаго?

– Чтобы американцы всполошились? Не стоит.

– А почему мы должны суетиться?

– Потому что тридцать лет назад именно вы, французы, сумели все спустить на тормозах. Кроме того, Париж, я знаю вас давно, вы человек неболтливый.

– Итак, слушаю вас, – произнес человек в темно-синем костюме чуть более любезным тоном.

– Попытка определить возраст объекта при помощи радиоуглеродного анализа ни к чему не привела. Тогда я отправил его на другое исследование – при помощи оптоэлектронного симулирующего устройства. Не буду вдаваться в технические детали, они очень утомительные и сложные, так что вряд ли вы все поймете, но результаты меня очень удивили.

– Что вам удалось выяснить?

– Ровным счетом ничего.

– Вы не получили никакого результата и вызвали меня на встречу? Вы что, рехнулись?

– Я предпочитаю личную беседу телефонному разговору. Будет лучше, если вы послушаете, что я вам скажу. Невозможность определить возраст предмета при помощи этого совершенного метода – это первая загадка. Судя по результату, вернее, его отсутствию, предмету по меньшей мере четыреста тысяч лет, и это вторая, еще большая загадка.

– То есть его можно сравнить с тем, о котором мы с вами знаем?

– Форма этого предмета несколько отличается от того, и о его составе я не могу сказать вам ничего определенного, как и составе того, который у нас имеется.

– Однако вы предполагаете, что они родственники.

– По двум предметам судить, конечно, трудно, однако их можно назвать родственными.

– Мы думали, что тот, которым мы располагаем, единственный в своем роде.

– Я так никогда не думал, и поэтому вы держали меня на расстоянии. Теперь вам стало понятнее, почему я организовал нашу встречу?

– Нет ли иных методов анализа, чтобы узнать об этом предмете побольше?

– Определение возраста при помощи урана, но теперь уже слишком поздно отправлять камень на анализ.

– Айвори, вы действительно уверены, что эти предметы связаны между собой, или просто пытаетесь осуществить ваши несбыточные мечты? Все мы знаем, что та находка вас глубоко взволновала; вам тогда отказали в финансировании, и с этим было связано то, что вы решили нас покинуть.

– Я давно уже не в том возрасте, когда играют в подобные игры, а вы еще не доросли до того, чтобы получить право выдвигать против меня такие обвинения.

– Если я правильно вас понимаю, эти предметы схожи лишь тем, что оба они не поддаются анализу, которому их подвергали.

Айвори резко отодвинулся от стола, собираясь подняться и уйти.

– Вы можете устанавливать эту связь как вам угодно. Я выполнил свой долг. Как только я узнал, что, возможно, существует второй экземпляр, я всеми правдами и неправдами постарался его раздобыть, отправил на исследования, которые считал необходимыми, и предупредил вас. Отныне вам решать, как поступать дальше, ведь, как вы совершенно верно заметили, я уже давно на пенсии.

– Сядьте, Айвори, наш разговор еще не окончен. Когда мы сможем получить этот предмет?

– О том, чтобы его вам передать, не может быть и речи. В понедельник я намерен вернуть его владельце.

– Я думал, тот, кто вам его дал, – это мужчина.

– Я никогда вам такого не говорил, впрочем, это не имеет значения.

– Сомневаюсь, что наша организация в полной мере понимает, что происходит. Вы осознали, сколь ценен этот предмет, если ваши предположения верны? Смириться с тем, что он будет свободно переходить из рук в руки, – чистое безумие.

– Да, психология в нашей конторе всегда была слабым местом. На данный момент владельца ни о чем не догадывается, и нет никакой причины что-либо менять. Она носит камень на шее: трудно найти другое столь же безопасное и укромное место. Нам не следует привлекать к себе внимание, а также хотелось бы избежать драки между филиалами в Женеве, Мадриде,

Франкфурте и вашим – или еще неведомо с кем, ибо многие захотят наложить лапу на второй предмет. Пока мы станем выяснять, действительно ли речь идет о втором экземпляре, а об этом говорить пока рано, камень лучше как можно быстрее вернуть его юной владелице.

– А если она его потеряет?

– Неужели вы верите, что у нас он будет в большей сохранности?

– Fair enough⁶, как говорят наши друзья англичане. Итак, пусть шея этой женщины отныне считается нейтральной территорией.

– Не сомневаюсь, она была бы польщена, если бы узнала.

Человек в синем костюме, который именовал себя Парижем, посмотрел в окно. Крыши Парижа тянулись насколько хватало глаз.

– Ваши рассуждения не выдерживают критики, профессор. Как узнать больше о камне, если его у нас нет?

– Порой я сомневаюсь, правильно ли поступил, что ушел на пенсию так рано. Вы ничего не усвоили из того, что я вам тут пытался втолковать. Если этот предмет и вправду близкий родственник нашего, то анализы нам ничего больше не покажут.

– Но техника в последние годы ушла далеко вперед.

– Единственное, в чем мы действительно продвинулись, – это наше знание контекста проблемы.

– Оставьте ваши лекции при себе! Что вы задумали на самом деле?

– Владелица камня – археолог, очень хороший археолог. Дикарка, решительная и отважная. Она не считается с вышестоящими, уверена, что она куда талантливее своих коллег, и делает только то, что сама решила. Так почему бы ей не поработать на нас?

– Из вас получился бы отличный директор по персоналу! Вы думаете, мы найдем ее, учитывая такую характеристику?

– Разве я вам об этом говорил? Она провела три года на раскопках в Эфиопии, в непростых условиях, и, если бы ее не выгнала оттуда эта проклятая буря, я уверен, она в конце концов нашла бы то, ради чего приехала.

– А почему вы так верите в то, что она в итоге добилась бы своей цели?

– У нее есть ценный козырь.

– Какой же?

– Удача!

– Она выиграла в лотерею?

– Гораздо лучше: не приложив ни малейших усилий, она получила этот предмет, ей просто его подарили.

– Это еще не доказательство ее высоких профессиональных качеств. Кроме всего прочего, я не представляю себе, каким образом она сумеет раскрыть тайну, над которой мы так долго ломали голову, призвав на помощь все наши силы и средства.

– При чем тут средства? Главное – это страсть. Надо сделать так, чтобы у нее появилась веская причина заинтересоваться камешком, украшающим ее шею.

– Вы намекаете на то, что нам следует взять на себя управление этим свободным электроном?

– Управляемый нами, пусть и на расстоянии, этот электрон сохранит лишь видимость свободы.

– А отдавать ему команды будете вы?

– Нет, вы же знаете, комитет никогда на это не согласится. Но я сумею наладить процесс, вызвать любопытство нашей подопечной, возбудить ее аппетит. А в дальнейшем передам вам бразды правления.

⁶ Разумно (англ.).

– Да, любопытный подход. Не сомневаюсь, возникнут кое-какие возражения, но я сумею убедить малый комитет, тем более что этот проект не потребует серьезных дополнительных затрат.

– Однако я ставлю свое условие: вы будете выполнять одно правило, не подлежащее обсуждению. Предупредите ваш малый комитет, чтобы никому не пришло в голову его нарушать. Безопасность молодой женщины должна быть гарантирована в любое время и при любых обстоятельствах. Я требую безоговорочного согласия на сей счет всех руководителей филиалов, всех без исключения.

– Видели бы вы свое лицо, Айвори! Ни дать ни взять старый шпион. Почитайте газеты, холодная война давно закончилась. Между нами установилось полнейшее сердечное согласие. Скажите честно, за кого вы нас принимаете? Кстати, речь идет всего лишь о камне, пусть и с любопытным прошлым, – но это ведь только камень.

– Если бы мы были убеждены в том, что речь идет о простом камешке, мы бы не сидели здесь вдвоем и не играли в старых конспираторов, как вы отметили. Возможно, вам кажется, что я впал в детство, но вы ошибаетесь.

– Ладно, услуга за услугу. Предположим, я все сделаю для того, чтобы убедить комитет в преимуществах нашего проекта. Но как я докажу, что ваша подопечная сумеет добыть для нас важные сведения, притом что все наши усилия до сих пор не увенчались успехом?

Айвори понял, что придется сделать то, чего ему совсем не хотелось: дать собеседнику еще немного информации – иначе его не убедить.

– Все вы считали, что предмет, коим вы обладаете, – единственный в своем роде. И вдруг появляется второй. Если они, как вы их инстинктивно назвали, «родственники», то нет никаких оснований полагать, что их только два.

– Вы намекаете на то, что...

– Что родственников в этой семье может оказаться много? Я всегда так думал. Я также думал, что, чем больше мы получим возможностей найти другие подобные образцы, тем больше у нас будет шансов понять, что же на самом деле у нас в руках. То, что хранится у вас в сейфе, – только один из фрагментов, соберите недостающие кусочки, и вы увидите, что реальность чревата такими последствиями, коих вы и представить себе не могли.

– И вы предлагаете взвалить все бремя ответственности на женщину, которую сами назвали неуправляемой?

– Не будем преувеличивать. Забудьте про ее характер, нам нужны ее знания и способности.

– Айвори, мне все это не нравится. Дело закрыто давным-давно, и лучше к нему не возвращаться. Мы и так уже потратили кучу денег неведомо на что.

– Вот тут вы ошибаетесь! Мы потратили приличные деньги на то, чтобы никто ни о чем не узнал, – это не одно и то же. Сколько еще времени вы сумеете хранить тайну этого предмета, если кто-нибудь другой сумеет разгадать его суть?

– При условии, что такое произойдет!

– И вы намерены рисковать?

– Не знаю, Айвори. Я составлю отчет, они его обсудят и примут решение, и мы с вами встретимся в ближайшие дни.

– У вас есть время до понедельника.

Айвори попрощался со своим собеседником и встал из-за стола. Перед тем как уйти, он наклонился к Парижу и шепнул ему на ухо:

– Передайте им от меня привет, скажите, что это последняя услуга, которую я им оказываю, и выразите мою искреннюю неприязнь сами знаете кому.

– Непременно.

Кент

- Эдриен, хочу кое в чем вам признаться.
- Час уже поздний, Уолтер, да и вы совсем пьяны.
- Вот-вот, сейчас или никогда.
- Предупреждаю вас: что бы вы ни хотели мне поведать, лучше воздержитесь. Сегодня вы в таком состоянии, что завтра пожалеете о сказанном.
- Нет. Помолчите и выслушайте меня. Иначе я собоюсь. Я влюбился, вот.
- В принципе это хорошая новость. Тогда к чему этот серьезный тон?
- Потому что главное заинтересованное лицо об этом не знает.
- Да, это все усложняет. А о ком идет речь?
- Мне бы не хотелось говорить.
- Как хотите.
- Речь идет о мисс Дженкинс.
- О секретаре, принимающем посетителей у нас в Академии?
- О ней самой. Вот уже четыре года, как я по ней с ума схожу.
- И она ни о чем не догадывается?
- Даже при всей ее опасной женской интуиции, думаю, подозрения у нее возникли раз или два, не больше. Надеюсь, я достаточно хорошо все скрываю. По крайней мере, достаточно хорошо для того, чтобы проходить мимо ее стола каждый день и не краснеть, осознавая, как я смешон.
- Целых четыре года, Уолтер?
- Сорок восемь месяцев, я точно подсчитал, я даже праздновал годовщину за несколько дней до того, как вы вернулись из вашей чилийской командировки. Не расстраивайтесь, праздника я не устраивал.
- Но почему вы ей не сказали?
- Потому что я трус, Эдриен, – продолжал Уолтер, икнув. – Ужасный трус. Хотите, я скажу вам, что самое волнующее в этой истории?
- Нет, не уверен, что хочу это слышать!
- Так вот, все это время я храню ей верность.
- Ничего себе!
- Теперь вы понимаете всю нелепость ситуации. Женатые мужчины, которым повезло жить с теми, кого они любят, ищут способ обмануть своих жен, а я верен женщине, которая даже не знает, что я питаю к ней слабость. И пожалуйста, не повторяйте свое «ничего себе»!
- Я и не собирался. А почему бы ей все не рассказать? Прошло уже столько времени. Чем вы рискуете?
- Чтобы все испортить? Вы ненормальный! Если она мне откажет, я уже не смогу думать о ней, как прежде. Поглядывать на нее тайком, как сейчас, будет верхом неприличия. Что вы на меня так смотрите, Эдриен?
- Ничего. Я только думаю: а завтра, когда вы протрезвеете – это случится не ранее полудня, с учетом количества выпитого, – вы расскажете мне свою историю точно так же или по-другому?
- Я ничего не выдумываю, Эдриен, клянусь вам, я безумно влюблен в мисс Дженкинс. Но между нами такая дистанция, что ее можно сравнить с расстояниями в вашей Вселенной, где повсюду холмы, мешающие разглядеть, что находится с другой стороны. Мисс Дженкинс находится на маяке в Кристиансанде, – продолжал Уолтер, указывая пальцем на восток, – а я – несчастный кашалот, которого выбросило на английский берег! – воскликнул он, тыча кулаком в песок.
- Уолтер, я вполне понимаю то, что вы описываете, но расстояние, отделяющее ваш письменный стол от стола мисс Дженкинс, измеряется не в световых годах, а в ступеньках лестницы.

– А как же теория относительности? Вы думаете, она распространяется только на вашего приятеля Эйнштейна? Для меня каждая ступенька этой лестницы так же далека, как ваши галактики!

– Мне кажется, Уолтер, самое время пойти в гостиницу.

– Нет, продолжим нашу вечеринку, а вы – свои объяснения. Завтра я, наверное, уже ничего не вспомню, но это не важно. Мы отлично проведем время, и только это имеет значение.

Пьяный благодушный Уолтер был смешон, но мне было больно на него смотреть. Мне казалось, после Атакамы я знаю, что такое одиночество. Но мог ли я вообразить, как мучительно изо дня в день жить в разлуке с любимой женщиной, когда тебя отделяют от нее всего три этажа, а ты не в силах признаться ей в своих чувствах!

– Уолтер, может, мне устроить ужин и пригласить на него мисс Дженкинс и вас?

– Нет, боюсь, прошло уже слишком много времени, и я не осмелюсь с ней заговорить. Впрочем, может, вы все-таки повторите свое предложение завтра днем? Лучше – ближе к вечеру.

Париж

Кейра опаздывала, она поспешно натянула джинсы, свитер, кое-как причесалась. Осталось только найти связку ключей. Она мало спала в выходные, и тусклый свет дня не сумел взбодрить ее. Найти такси в Париже в утренние часы равносильно подвигу. Она прошла пешком до Севастопольского бульвара, оттуда дошагала до набережной Сены; всякий раз, стоя на переходе, она поглядывала на свое запястье: часы она забыла дома. Какая-то машина заехала на полосу для автобусов и затормозила рядом с Кейрой. Водитель наклонился, опустил стекло и окликнул ее по имени:

– Тебя подвезти?

– Макс, это ты?

– Я что, так изменился со вчерашнего дня?

– Нет, но я не ожидала тебя здесь встретить.

– Успокойся, я не слежу за тобой. В этом квартале довольно много типографий, моя находится на улице, что у тебя за спиной.

– Ты рядом с работой, так что я не хочу нарушать твои планы.

– А кто тебе сказал, что я еду туда, а не оттуда? Садись, а то я вижу автобус, он вот-вот подъедет и будет мне сигналить.

Кейра не заставила себя упрашивать, открыла дверцу и уселась рядом с Максом.

– Набережная Бранли, Музей искусств и цивилизаций. Водитель, поторопитесь, я опаздываю.

– Но хоть на один поцелуй я имею право?

Тут, как и предсказывал Макс, раздался такой оглушительный гудок, что они оба вздрогнули: к ним вплотную подъехал автобус. Макс тронулся с места и быстро перестроился в другой ряд. Они ехали в плотном потоке машин, Кейра нетерпеливо постукивала ногой, то и дело поглядывая на часы на приборной доске.

– Ты, похоже, действительно очень торопишься.

– Да, у меня назначена встреча за обедом... четверть часа назад.

– Если это мужчина, я уверен, он тебя подождет.

– Да, это мужчина, только не надо этих намеков, он вдвое старше тебя.

– Ты всегда предпочитала зрелых мужчин.

– Если бы это было так, мы бы с тобой не встречались.

– Один – ноль. Мяч в центре поля. Кто он?

– Один профессор.

– А что он преподает?

- Слушай, вот забавно! – удивленно заметила Кейра. – Я даже его не спросила.
- Не хочу показаться нескромным, но ты мчишься через весь город под дождем, чтобы пообедать с неким профессором, и даже не знаешь, что он преподает.
- Да какая разница, все равно он на пенсии.
- А почему вы решили вместе пообедать?
- Это долгая история. Смотри лучше на дорогу, и давай выбираться из пробки. Речь идет о кулоне, который подарил мне Гарри. Я долго думала, откуда взялся этот камень. Профессор считает, что он очень древний. Мы попытались установить его возраст, но у нас ничего не вышло.
- А кто такой Гарри?
- Макс, не мучай меня своими вопросами. Гарри вчетверо тебя моложе. И живет он в Эфиопии.
- Да, для серьезной конкуренции он слишком юн. Ты покажешь мне этот древний камень?
- У меня его сейчас нет. Я как раз собиралась его забрать.
- Хочешь, я попрошу моего друга, специалиста по древним камням, на него взглянуть?
- Думаю, не стоит беспокоить твоего друга. Мне кажется, этому старому профессору просто стало скучно, и он нашел повод немного развлечься.
- Передумаешь – не стесняйся, скажи мне. Вот и пробка на набережной рассосалась, мы будем на месте через десять минут. И где же юный Гарри нашел камень?
- На маленьком вулканическом островке посреди озера Туркана.
- Может, это застывшая лава?
- Нет, этот предмет невозможно расколоть. Я не могла даже проделать в нем отверстие. Чтобы повесить его на шею, мне пришлось обвязать его тонким кожаным шнурком. Кроме того, должна отметить, он на удивление гладко отполирован, просто идеально.
- Ты меня заинтриговала. Предлагаю тебе поужинать сегодня вечером вдвоем, и ты мне покажешь эту загадочную подвеску. Я, конечно, завязал с археологией, но кое-что еще помню.
- Заманчиво, почему бы нет? Но сегодня, Макс, я должна провести вечер с сестрой. Мы долго не виделись, надо наверстать упущенное. С тех пор как я вернулась, мы только и знаем, что треплем друг другу нервы. Я уже нашла себе два или три оправдания, а может, двенадцать или тринадцать, в общем, добрых три десятка.
- Мое приглашение остается в силе на все вечера до конца недели. А вот и твой музей. Ты почти не опоздала, часы у меня в машине спешат на пятнадцать минут.
- Кейра поцеловала Макса в лоб и выскочила на тротуар. Он хотел сказать ей, что позвонит ближе к вечеру, но она уже убежала.

– Мне так стыдно, что я заставила вас ждать, – смущенно выпалила Кейра, настежь распахнув дверь и пытаясь отдышаться. – Айвори!

Она поняла, что комната пуста. Внимание Кейры привлек листок бумаги на столе под лампой. Строчки были тщательно зачеркнуты, но она все же разобрала длинный ряд цифр, слова «озеро Туркана» и свое собственное имя. Внизу листка она увидела умело выполненный рисунок, изображавший ее медальон. Конечно, Кейре не следовало обходить стол, не следовало садиться в кресло профессора и уж тем более выдвигать средний ящик. Но он оказался не заперт, а всякому археологу свойственно любопытство, такова его натура. Она обнаружила в ящике старую тетрадь в потрескавшейся кожаной обложке. Положила ее на стол и, едва открыв, увидела на первой же странице другой рисунок, видимо сделанный много лет назад. Предмет на этом рисунке необычайно походил на тот, что она носила на шее. Раздался звук шагов, и Кейра подскочила от неожиданности. Только она успела привести все в порядок и нырнуть под стол, как в кабинет кто-то вошел. Скрючившись на полу, как нашкодивший ребенок, Кейра

старалась не дышать. Вошедший постоял совсем рядом с ней, ткань его брюк колыхалась в нескольких сантиметрах от ее лица. Потом свет погас, тень проплыла обратно к двери, ключ повернулся в замке, и в кабинете старого профессора воцарилась тишина.

Кейра несколько минут приходила в себя, потом покинула свое убежище и, подойдя к двери, повернула ручку. К счастью, защелка открывалась изнутри. Почувствовав себя на свободе, Кейра выскочила в коридор, стремительно сбежала по лестнице на первый этаж, поскользнулась и растянулась во весь рост. Чьи-то заботливые руки помогли ей приподняться. Кейра повернулась и, увидев перед собой лицо Айвори, издала пронзительный вопль, эхом раскатившийся по всему холлу.

– Вы сильно ушиблись? – озабоченно спросил профессор, опустившись рядом с ней на колени.

– Нет, я просто очень испугалась!

Посетители музея, остановившиеся поглазеть на эту необычную сцену, разошлись. Инцидент был исчерпан.

– Понятное дело, вы здорово поскользнулись! Так можно себе все кости переломать. Что это вам вздумалось так носиться? Вы немного опоздали, но нельзя же из-за этого жизнью рисковать.

– Извините меня, – смущенно пробормотала Кейра, поднимаясь с пола.

– Где вы были? Я попросил дежурных на входе предупредить вас, что я буду ждать вас в саду.

– Я поднялась к вам наверх, но кабинет был заперт, и я со всех ног понеслась вниз, решив, что найду вас на первом этаже.

– Вот какие неприятные истории случаются с теми, кто опаздывает. Пойдемте, я умираю с голоду, а в моем возрасте нужно принимать пищу строго по часам.

Уже во второй раз за этот день Кейра почувствовала себя провинившимся ребенком, застигнутым на месте преступления.

Они устроились за тем же столиком, что и в прошлый раз. Айвори явно пребывал в дурном расположении духа, он уткнулся в меню и сидел молча.

– Могли бы разнообразить свою кухню, каждый раз предлагают одно и то же, – проворчал он. – Советую вам взять ягненка, это лучшее из того, чем здесь кормят. Две порции филе ягненка, – скомандовал он подошедшей официантке.

Внимательно глядя на Кейру, профессор развернул салфетку.

– Да, пока я не забыл, – произнес он, вытаскивая кулон из кармана пиджака, – возвращаю то, что вам принадлежит.

Кейра взяла камень в руки и долго смотрела на него. Потом сняла с шеи кожаный шнурок и обвязала камень так, как учил ее Гарри: крест-накрест, два раза спереди, один раз сзади. И повесила его на шею.

– Должен отметить, так он смотрится куда более выигрышно, – воскликнул Айвори, улыбнувшись в первый раз за все время.

– Спасибо, – сказала Кейра, немного оробев.

– И все-таки, надеюсь, не я заставляю вас краснеть. Так почему вы опоздали?

– Мне очень стыдно, профессор, я могла бы выдумать кучу оправданий, но на самом деле я проспала. Ужасно глупо, правда?

– Знали бы вы, как я вам завидую! – расхохотался Айвори. – Я не спал до обеда, наверное, уже лет двадцать. Стареть не так уж весело, ко всему прочему и дни становятся длиннее. Ну хорошо, довольно болтовни, я здесь не для того, чтобы докучать вам своими проблемами со сном. Мне очень нравятся люди, которые говорят правду. На сей раз я вас прощаю. Пожалуй, не стану больше делать строгое лицо, поскольку вас это смущает.

– Так вы это делали нарочно?

- Разумеется!
- Значит, мы не получили никаких результатов? – спросила Кейра, теребя кулон.
- Увы, нет.
- И вы не представляете себе, сколько лет этой вещице?
- Нет, – ответил профессор, стараясь не смотреть Кейре в глаза.
- А можно мне задать вам один вопрос?
- Вы это только что сделали, так что переходите прямо к тому, что вас интересует.
- А что вы преподавали?
- Религию! Только не в том смысле, который всем привычен. Я попытался понять, на

каком этапе эволюции человек решил поверить в высшую силу и назвать ее Богом. Этому я посвятил свою жизнь. Вам известно, что в окрестностях Назарета около ста тысяч лет назад первобытные люди, *Homo sapiens*, предали земле – наверное, впервые в истории человечества – останки женщины примерно двадцати лет? У ее ног лежало тело шестилетнего ребенка. Те, кто раскопал это захоронение, обнаружили там изрядное количество красной охры. На другом участке, неподалеку оттуда, археологи нашли еще тридцать подобных захоронений. Все тела лежали в позе зародыша, все были покрыты охрой, и в каждой могиле находились ритуальные предметы. Вероятно, это и были первые проявления религиозности. Может быть, к горю, связанному с потерей близких, прибавилась настоятельная потребность воздавать почести смерти? Может, именно в тот момент родилась вера в иной мир, где мертвые продолжают жить?

На сей счет существует множество теорий, и мы, наверное, никогда не узнаем, на каком этапе эволюции человек по-настоящему уверовал в Бога. Окружающий мир в равной мере завораживал и пугал его, и человек начал обожествлять все, что было сильнее его. Он по-своему объяснил тайну рассвета и сумерек, тайну звезд у него над головой, волшебную смену времен года, метаморфозы природы и своего собственного тела, трансформирующегося под действием времени до тех пор, пока некая сила не оборвет его жизнь на последнем вздохе. Все наскальные рисунки, а они обнаружены более чем в ста шестидесяти странах, имели определенное сходство – разве это не чудо? Везде встречался красный цвет, главный символ связи с иным миром. Почему человеческие существа, в каком бы уголке земли они ни жили, изображены в молитвенной позе: они застыли, воздев руки к небу? Вот видите, Кейра, мои исследования не так уж далеки от ваших. Я разделяю вашу точку зрения. Мне нравится, в каком направлении вы ведете ваши поиски. Первый человек – это действительно тот, кто первым стал ходить выпрямившись? Или тот, кто первым обточил дерево или камень и создал орудия труда? А может, первый человек – тот, кто впервые оплакал смерть близкого и понял, что его уход тоже неизбежен? Или тот, кто первым поверил в высшую силу? Или тот, кто первым выразил свои чувства? С помощью каких слов, жестов, подношений первый человек дал понять, что он любит? И к кому он обращался, признаваясь в любви, – к родителям, к женщине, к детям – или к Богу?

Кейра оставила в покое свой кулон, положила ладони на стол и внимательно посмотрела на профессора.

- Вполне возможно, мы никогда не найдем на это ответа.
- Откуда вам знать? Все возможно, были бы только терпение, решимость и живой ум. То, что издали казалось туманным, вблизи становится ясным и понятным.
- Зачем вы мне все это говорите?
- Вы копали землю в поисках кучки окаменелых костей, полагая, что благодаря им сумеете проникнуть в тайну происхождения человечества, и на это вы угробили три года своей жизни. Надо было, чтобы мы встретились и чтобы я разбудил ваше любопытство, – в противном случае вы никогда не взглянули бы повнимательнее на тот необычный предмет, который носите на шее.

– Какое-то странное сравнение! Нет никакой связи между этим камнем и...

– Это не скальная порода и не дерево, мы не способны определить, из чего он состоит. Он столь совершенен, что заставляет сомневаться в его природном происхождении. Вы по-прежнему считаете мое сравнение странным?

– Что вы пытаетесь мне сказать? – спросила Кейра, крепко стиснув в руке кулон.

– А если то, что вы все эти годы искали, висит сейчас у вас на шее? С того дня, как вы вернулись во Францию, вы только и мечтаете уехать обратно в долину Омо, не так ли?

– А что, это так заметно?

– Долина Омо – у вас на груди, милая барышня. Или по меньшей мере одна из величайших тайн, которые она скрывает.

Кейра немного помолчала, а потом залилась смехом.

– Айвори, я уже почти вам поверила. Вы говорили так убедительно, у меня даже мурашки по коже бегали. Я понимаю, в ваших глазах я всего лишь юная археологиня, которая вдобавок опаздывает на встречи, но всё же... У нас нет ни малейшего основания предполагать, что этот предмет имеет хоть какую-нибудь научную ценность.

– Я снова хочу задать вам вопрос. Как вы объясните, что этот предмет так великолепно отполирован, если известно, что он гораздо старше, чем можно вообразить? Почему от него не удалось отделить ни единого фрагмента даже при помощи самой современной техники, не удалось и определить его возраст, хотя мы воспользовались весьма надежным методом?

– Признаюсь, меня это заинтриговало, – согласилась Кейра.

– Я очень рад, что вы тоже задавали себе этот вопрос, дорогая Кейра. И еще более я рад, что познакомился с вами. Видите ли, сидя в моем скромном кабинете наверху, я уже почти не надеялся, что успею сделать свое последнее открытие, – согласитесь, это маловероятно. Однако благодаря вам я тоже сумел опровергнуть законы статистики.

– Мне это приятно, – сказала Кейра.

– Я не имел в виду ваш кулон. Узнать, что он такое, – это ваше дело.

– Но тогда о каком же открытии вы говорите?

– О встрече с потрясающей женщиной!

Айвори поднялся и вышел из-за стола. Кейра смотрела ему вслед, он обернулся в последний раз и едва заметно помахал своей новой подружке.

Лондон

У нас оставалась последняя неделя, чтобы подать документы на конкурс. Работа над проектом не оставляла мне времени ни на что другое. У нас с Уолтером установилась привычка ежедневно, ближе к вечеру, встречаться в библиотеке Академии, там я рассказывал ему о том, что успел сделать за день. Затем следовала репетиция моего выступления, часто перераставшая в споры, и наконец мы шли ужинать в соседний индийский ресторанчик. У тамошней официантки было такое смелое декольте, что ни я, ни Уолтер не могли оставаться к нему равнодушными. После ужина, как обычно не удостоившись ни единого взгляда упомянутой официантки, мы отправлялись на берег Темзы, где наши беседы продолжались. Даже в дождь мы не отменяли наши ночные прогулки.

Но в тот вечер я приготовил моему спутнику сюрприз. Моя MG уже несколько дней капризничала, как это часто случается с пожилыми дамами, поэтому на станцию Юстон, что неподалеку от вокзала Кинг-Кросс, нас доставило такси. Время поджимало, и, вместо того чтобы отвечать на заданный в сотый раз вопрос Уолтера «Куда мы едем?», я схватил его за руку, и мы понеслись со всех ног к перрону, откуда отходил наш поезд. Вагоны вздрогнули и едва заметно поползли вперед, я толкнул Уолтера на площадку последнего вагона и сам запрыгнул на нее, уцепившись за поручень. Рельсы уже скрежетали под колесами поезда.

Остались позади предместья Лондона, следом уплыли и сельские пейзажи, уступив место пригородам Манчестера.

– Манчестер? Что мы собираемся делать в Манчестере в десять часов вечера? – удивленно спросил Уолтер.

– А кто вам сказал, что мы уже на месте?

– Вы разве не слышали, как контролер объявил: «Конечная остановка. Прошу всех выйти из вагона»?

– Вы забыли, дорогой Уолтер, что существуют пересадки? Хватайте вашу сумку, и поживее, у нас от силы десять минут.

Мы снова пустились бежать, на сей раз по подземным переходам вокзала. И вскоре уже сидели в поезде, увозившем нас на юг.

На маленькой станции Холмс-Чепл в тот вечер, кроме нас, не было ни души. Начальник вокзала, дунув в свисток, отправил состав, из которого мы вышли. Огоньки уходящего поезда скрылись в темноте. Я с нетерпением поглядывал на часы, ища взглядом машину: нас должны были встречать. По-видимому, тот, кого я ждал, опаздывал.

– Итак, сейчас половина одиннадцатого, вместо ужина вы мне подсунули этот ужасный сэндвич с пересушенной индейкой и мокрым огурцом – очень мило с вашей стороны! Мы в деревенской глуши, это выражение в данном случае более чем уместно. Вы намерены мне объяснить, что мы здесь делаем, – да или нет?!

– Нет!

Уолтер метал громы и молнии, а я испытывал истинное удовольствие, наблюдая, как он бесится. Наконец на узкой дороге, идущей вдоль путей, показался старенький «хиллман»⁷ 1957 года выпуска. Я тотчас же его узнал. Значит, Мартин не забыл о встрече, которую я назначил ему накануне по телефону.

– Извините, я опоздал, – проговорил он, вылезая из машины через багажник. – Мы все занимались тем, что привело вас сюда, и я не мог освободиться раньше. Полезайте же скорее в машину, а то все пропустите! Простите, но я вынужден просить вас воспользоваться дверцей багажника, остальные не открываются с тех пор, как я случайно оторвал от них ручки, а запасных частей к этим машинам давно не выпускают.

Это была уже не машина, а куча ржавого металлолома, по всему переднему бамперу шли длинные трещины. Уолтер дрожащим голосом спросил у меня, далеко ли нам ехать. Несколько коротких приветственных фраз – и Мартин первым заполз в машину, перевалившись через спинку заднего сиденья, и уселся за руль. Мы последовали за ним. Как только все оказались на месте, Мартин попросил Уолтера захлопнуть багажник, только не слишком сильно. Вокзал остался позади, и мы покатали по ухабистым дорогам Макклесфилда.

Уолтеру пришлось смириться с тем, что ему не за что держаться: кожаная петля над дверцей, висевшая на честном слове, оторвалась, едва он за нее схватился. Я наблюдал краем глаза, как мой несчастный спутник, на секунду заколебавшись, незаметно сунул ее в карман.

– Думаю, все обошлось, – сообщил он мне, когда развалюху Мартина на повороте едва не вынесло с дороги. – Индейка с огурцом окончательно помирились, видимо, навсегда.

– Извините, что я так гоню, но нам ни в коем случае нельзя пропустить это явление. Держитесь, скоро приедем.

– И за что же вы предлагаете мне держаться? – вскричал Уолтер, вынув из кармана петлю и потрясая ею в воздухе. – Куда мы все-таки едем?

Мартин удивленно покосился на меня, но я сделал ему знак, чтобы он молчал. Всякий раз, как мы выходили из виража, Уолтер испепелял меня взглядом. Злость его внезапно испари-

⁷ Марка автомобилей, выпускавшаяся одноименной британской компанией, которая закрылась в 1976 году.

лась, когда перед нами возник гигантский силуэт антенны телескопа. Мы приехали в обсерваторию Джодрелл-Бэнк.

– Вот черт! – выдохнул Уолтер. – Никогда не видел это так близко.

Обсерватория Джодрелл считалась одним из подразделений факультета астрономии Манчестерского университета. Я провел там несколько месяцев во время учебы. Тогда я и подружился с Мартином: он устроился на работу в обсерваторию, в студенческие годы женившись на некоей Элеонор Отуэлл, наследнице небольшой местной молочной империи. Элеонор бросила его после пяти лет безоблачного, как нам казалось, брака. Она уехала в Лондон с лучшим другом Мартина, как и она, богатым наследником, отпрыском семьи финансистов, обладавшим еще более крупным состоянием, чем она с ее молочными реками. Мы с Мартином никогда не касались этой болезненной темы. Обсерватория Джодрелл была единственной в своем роде. Ее самая важная часть, параболическая антенна, имела семьдесят шесть метров в диаметре. Над этой металлической колыбелью на семьдесят семь метров над землей вздымалась стрела радиотелескопа, третьего по мощности в мире. Рядом с главным телескопом стояли еще три, размером поменьше. Обсерватория Джодрелл была частью обширной системы антенн, размещенных на территории Англии; связанные друг с другом, они составляли единую сеть, собиравшую информацию, поступающую из космического пространства. Сеть получила название Мерлин, увы, не в честь легендарного волшебника. В данном случае Мерлин – это акроним, сложенный из начальных букв фамилий ученых. Задача астрономов, работавших в обсерватории, состояла в обнаружении метеоритов, квазаров, пульсаров, гравитационных линз⁸ у границ галактик, а также в поиске черных дыр, образовавшихся при рождении нашей Вселенной.

– Мы увидим черную дыру? – завопил Уолтер в приливе энтузиазма.

Мартин улыбнулся и воздержался от ответа.

– Как там, в Атакаме? – спросил он меня, пока Уолтер, пыхтя, выползал из машины.

– Потрясающе, и команда что надо, – ответил я, внезапно загрустив, и мой давний коллега сразу же это почувствовал.

– А почему ты не хочешь присоединиться к нам? У нас, конечно, оборудование поскромнее, зато люди в команде удивительные.

– Я в этом не сомневаюсь. Никогда бы мне не пришло в голову сказать, что мои коллеги с плато Атакама в чем-то превосходят твоих собратьев по обсерватории Джодрелл. Мне не хватает чилийского воздуха, пустынных плато высоко в горах, прозрачных ночей. Но сейчас мы здесь, и я признателен тебе за это.

– Так что? – заворчал Уолтер, выбравшись на лужайку. – Мы пойдем смотреть на черную дыру или нет?

– Ну да, в некотором роде, – протянул я и полез наружу, тогда как Мартин, сидевший в машине, пытался подавить приступ смеха.

Коллеги Мартина поздоровались с нами и тотчас же вернулись к работе. Уолтер надеялся заглянуть в объектив телескопа и расстроился, когда я объявил, что ему придется довольствоваться картинками на экранах мониторов, установленных в том зале, где мы находимся. Все волновались, и это чувствовалось. Каждый сидел у своей панели управления, не отрывая от нее глаз. Временами издали слышался скрежет антенны, которая поворачивалась на несколько миллиметров на своей гигантской металлической оси. Потом наступала полная тишина, и все прислушивались к сигналам, долетавшим до Земли из глубины времен.

Чтобы избавить коллег Мартина от назойливости Уолтера, донимавшего их бесконечными вопросами, я повел его в глубь здания.

⁸ Гравитационная линза – массивное тело (планета, звезда) или система тел (галактика, скопление галактик), искривляющая своим гравитационным полем направление излучения, подобно тому, как искривляет световой луч обычная линза.

- Почему они все так психуют? – шепотом осведомился он.
 - Здесь вы можете говорить громко, вы их не побеспокоите. Нынче вечером они надеются увидеть рождение черной дыры. Это редкое явление в жизни радиоастронома.
 - А членам комиссии вы расскажете о черных дырах?
 - Обязательно.
 - Тогда начинайте, я слушаю.
 - Черные дыры – самое загадочное и малоизученное явление в астрономии. Они удерживают даже свет.
 - Так откуда же вы знаете, что они существуют?
 - Они формируются во время катастрофического сжатия гигантских звезд, многократно превышающих размерами наше Солнце. Оболочка таких звезд невероятно тяжелая, и ничто не может помешать ей рухнуть под собственным весом. Когда частицы материи, большие или малые, приближаются к черной дыре, она приходит в резонанс и гудит, как колокол. Этот звук, который достигает Земли, соответствует ноте си-бемоль. На пятьдесят семь октав ниже до среднего регистра. Вы представляете себе, можно слушать музыку, исходящую из недр Вселенной.
 - Это почти невероятно, – вздохнул Уолтер.
 - Бывает кое-что еще менее вероятное. Вокруг черной дыры пространство и время искривляются, и течение времени замедляется. Человек, отправившийся в путешествие к границе черной дыры, если не будет проглочен ею, вернется на Землю гораздо более молодым, чем его оставшиеся дома ровесники.
- Когда мы вновь вошли в зал, где мои собраты астрономы ждали рождения черной дыры, Уолтер вел себя иначе. Он подолгу смотрел на экраны, где возникали крохотные черные точки, свидетели далеких эпох, когда человечества еще в помине не было. В 3.07 по залу, где мы находились, разнеслось такое оглушительное «ура», что стены задрожали. Мартин, обычно флегматичный, высоко подпрыгнул, едва не завалившись навзничь. То, что появилось на экране, служило неопровержимым доказательством свершившегося. Завтра все мировое астрономическое сообщество порадует открытию своих британских коллег. Тут я подумал о моих друзьях с плато Атакама: может, они тоже вспомнят обо мне.

Уолтера околдовал мой рассказ об искривлении времени. На следующий день Мартин, отвозя нас на станцию Холмс-Чепл, поведал Уолтеру, что мечтает обнаружить и описать так называемую «червоточину». Едва оправившись от свалившейся на него информации о черных дырах, Уолтер сперва решил, что над ним пошутили, а потом стал требовать, чтобы Мартин объяснил ему, что к чему. Мартину и без того еле удавалось удерживать свою старую машину на дороге, так что пришлось мне втолковывать Уолтеру, что червоточинами астрономы называют своеобразные туннели, соединяющие точки пространства-времени по кратчайшему пути. Они словно двери, ведущие из одной точки Вселенной в другую, и доказать, что они существуют, – значит приблизить то время, когда человек получит возможность путешествовать в космосе со скоростью, превышающей скорость света.

На перроне Уолтер крепко обнял Мартина и, явно волнуясь, заявил, что профессия астронома прекрасна. Потом вытащил из кармана оторванную петлю и торжественно вручил ее владельцу.

В поезде на Лондон, когда остался позади Манчестер, Уолтер доверительно сообщил мне, что, по его мнению, если представители Фонда Уолша не присудят победу нам, это будет величайшей несправедливостью.

Париж

Кейра сказала Максу правду: всю неделю она проводила вечера в доверительных беседах с сестрой.

– Ты часто вспоминаешь папу?

Кейра вытянула шею и заглянула в кухонную дверь. Жанна сидела и сосредоточенно рассматривала фарфоровую чашку.

– Он всегда пил из нее кофе по утрам, – сказала Жанна и, налив в чашку травяной чай, подала ее Кейре. – Глупость какая-то: только увижу ее на полке, сразу начинаю киснуть.

Кейра молча смотрела на сестру.

– И каждый раз, наливая в нее чай или кофе, чувствую, что он здесь, сидит напротив меня и улыбается. Правда, смешно?

– Нет. Откровенность за откровенность. Я до сих пор храню одну из его рубашек. Иногда надеваю ее, и у меня возникает такое же ощущение, как у тебя. Стоит просунуть руки в рукава, и мне кажется, будто он пришел и останется со мной на весь день.

– Как ты думаешь, он бы нами гордился?

– Было бы чем: две незамужние женщины, бездетные, живущие под одной крышей, а ведь обеим за тридцать. Может быть, рай существует, но только отец, глядя на то, что с нами стало, разом оказывается в аду.

– Мне не хватает папы, Кейра, и мамы тоже, ты даже не представляешь, как мне их не хватает.

– Жанна, может, сменим тему?

– Ты действительно снова собираешься в Эфиопию?

– Не знаю. Я не знаю даже, что буду делать на следующей неделе. А мне бы надо разобраться с работой, а то скоро дойдет до того, что тебе придется меня содержать.

– То, что я тебе сейчас скажу, ты наверняка сочтешь проявлением эгоизма. Мне очень хочется, чтобы ты осталась. Мы скучаем по родителям, но это в порядке вещей, к тому же, надеюсь, они теперь вместе. Но мы-то с тобой живые, и, когда ты уезжаешь, мы теряем столько времени!

– Я знаю, Жанна, но рано или поздно тебе повстречается другой Жером, хороший и добрый. Ты родишь детей, и тетушка Кейра станет гостить у вас, приезжая из командировки, и привозить целые мешки увлекательных историй. И потом, ты ведь моя сестра, и я даже вдалеке все время думаю о тебе. Обещаю, если уеду, стану звонить чаще, и не только для того, чтобы обменяться общими фразами.

– Ты права, сменим тему, я не имею права тебе все это говорить. Хочу, чтобы ты жила там, где ты счастлива. Итак, будем прагматиками и оставим в стороне мои душевные метания. А что нужно сделать, чтобы ты могла вернуться в долину Омо?

– Собрать команду, раздобыть оборудование, найти на все это деньги – в общем, сущие пустяки!

– Сколько?

– Гораздо больше, чем та сумма, которую ты отложила на покупку квартиры.

– Почему бы тебе не поискать частного спонсора?

– Потому что археологи не мелькают перед телекамерами в майках с рекламой стирального порошка, газированной воды или какого-нибудь банка. Меценаты нынче большая редкость, вернее сказать, они все вымерли. Кстати, есть идея: можно организовать соревнования по бегу в мешках, например, с саперными лопатками в руках. Первый, кто выкопает из земли кость, получит годовую подписку на журнал по собаководству.

– Не своди все к шутке, то, что я говорю, не так уж глупо. Да, это нелегко. Ты высказываешь идею и сразу же слышишь в ответ: «Это невозможно!» Может, тебе при случае стоит обратиться в какой-нибудь фонд и представить твои работы? Кто знает? Всякое бывает.

– Все смеются над моими исследованиями, Жанна. Думаешь, кто-то поставит на меня хоть один евро?

– Думаю, ты не веришь в себя. Ты три года провела на раскопках, писала подробные отчеты – я читала твою диссертацию. Знаешь, были бы у меня деньги, я бы непременно финансировала твою будущую экспедицию.

– Потому что ты моя сестра! Ты очень добрая, Жанна, но твоя идея вряд ли осуществима. И все-таки спасибо тебе, я на целых тридцать секунд погрузилась в сладкие мечты.

– Вместо того чтобы впустую терять день за днем, лучше бы зашла в Интернет и составила список французских и других европейских организаций, которые могли бы заинтересоваться твоей работой.

– И вовсе я не теряю время!

– А что у тебя за делишки с Айвори? Ты почти каждый день таскаешься к нему в музей!

– Он очень забавный тип! Представляешь, его страшно заинтересовал мой кулон. Айвори даже меня заинтриговал. Мы пытались определить возраст камня – никакого результата. А профессор по-прежнему настаивает, что кулон очень древний, но это нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

– Интуиция?

– Я его, конечно, уважаю, но одной интуиции недостаточно.

– Эта вещица и правда необычная. У меня есть друг геммолог. Хочешь, покажем камень ему?

– Но это, скорее всего, не камень – впрочем, и не окаменевшее дерево.

– А что?

– Мы не знаем.

– Дай взгляну, – потребовала Жанна, внезапно забеспокоившись.

Кейра сняла шнурок с кулоном и протянула сестре.

– А если это фрагмент метеорита?

– Ты когда-нибудь слышала о метеорите, гладком и нежном на ощупь, словно кожа младенца?

– Не стану утверждать, что я в этом разбираюсь, но думаю, мы далеко не все знаем о том, что прилетает к нам из космоса.

– Как гипотеза сойдет, – согласилась Кейра, в которой проснулся инстинкт археолога. – Помню, я где-то читала, что на Землю падает около пятидесяти тысяч метеоритов в год.

– Поговори со специалистом!

– С каким именно специалистом?

– Разумеется, с мясником из соседней лавки! Что ты строишь из себя дурочку? С тем, кто этим занимается, – с астрономом, астрофизиком или кем-то в этом роде.

– Сейчас, только найду записную книжку и открою страничку «приятели астрономы». Осталось выбрать, кому позвонить первому!

Решив не ссориться, Жанна пропустила колкость мимо ушей. Она направилась к письменному столу в уголке прихожей и села за компьютер.

– Что это ты делаешь? – поинтересовалась Кейра.

– Делаю за тебя твою работу. Я начну, а ты завтра продолжишь, и ни шагу из-за стола. Будешь сидеть, приклеившись к экрану, а вечером, когда я вернусь, предъявишь мне список всех организаций, оказывающих поддержку исследованиям в области археологии, палеонтологии и геологии, включая те, что работают на долговременной основе в странах Африки. Это приказ!

Цюрих

На последнем этаже здания Креди Насьональ Сюисс уже опустели все помещения, кроме одного кабинета. За компьютером сидел элегантный мужчина, читая электронные письма, пришедшие в его отсутствие. Он только сегодня утром вернулся из Милана, и денек выдался нелегкий. Совещания, чтение накопившихся документов, и так весь день без перерыва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.